ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 45 (3074) Вторник, 14 апреля 1953 г. Цена 40 коп.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

Нержавеющее оружие

Великий поэт революции Маяковский, воспевая первую в мире страну социализма, призывал советский народ быть начеку, твердо стоять на страже завоеваний революции. С первых лет советской власти он отдает все свои силы защите социалистического Отечества.

Поэт хорошо понимал, что дружба народов Советского Союза является источником силы и могущества нашего государства, его непобедимости.

Буржуазия основывала свое господство на политике натравливания одних наций на другие, на политике угнетения отсталых наций, на политике жесточайшей эксплуатации трудящихся. Великая историческая победа трудящихся нашей страны, свергнувших власть капиталистов и помещиков, создание могучего многонационального Советского государства обеспечили расцвет дружбы всех народов нашей Родины.

Маяковский видел, что враги Советского Союза пытаются вбить клин между социалистическими нациями, что они основывают свои гнусные расчеты на том, чтобы посеять вражду между народами СССР и тем самым ослабить нашу страну. Он писал:

Буржуй
бежал,
подгибая рессоры,
сел
на английской мели:
в его интересах
расперессорить
народы
Советской земли.

В пролетарском интернационализме поэт видел мощное оружие борьбы с врагами социалистического Отечества. В стихотворении «Непобедимое оружие» он писал:

Наше оружие:
солидарность людей,
разных языком,
но —
одинаковых классом.

Поэт радовался становлению социалистических наций. Он видел, что «столицей гудит украинский Харьков, живой, трудовой и железобетонный», что «под знаменем большевиков воскресла свободная Грузия», что хорошеет «в дворцах и бульварах» Баку, что «сказанием встает Казань, столица Красной Татарии».

«Долг Украине» назвал поэт одно из своих стихотворений, в котором призывал к укреплению дружбы с украинским народом, писал о красоте украинского языка («эта мова величава и проста»). Он гордился тем, что его собственные стихи читают представители разных народов, что они звучат на многих языках Советской страны.

Радуясь успехам братских народов Советского Союза, Маяковский призывал их к сплочению вокруг великого русского народа. «Товарищи юноши, взгляд — на Москву, на русский вострите уши»,— писал он, подчеркивая, что русский язык — это тот язык, которым «разговаривал Ленин».

Неутомимый борец за укрепление дружбы между народами, Маяковский выступал с резкой отповедью по адресу тех, кто, зараженный реакционными идеями буржуазного национализма, вредил этому великому братству.

Советский патриотизм и пролетарский интернационализм Маяковского проявлялись в непримиримой борьбе с врагами и вражеской идеологией. Поэтому тема революционной бдительности стала значительной и неотъемлемой частью поэтической работы Маяковского.

Говоря о том, что историк очень далекого будущего будет вынужден по истлевшим плакатам восстанавливать смысл выражения «гидра капитализма», Маяковский писал: «А мы знавали вот эту гидру в ее натуральной величине!» Кровавые походы Антанты, планы удушения Советской России голодом, убийства из-за угла советских полпредов, шпионаж, подкупы, организация нового военного похода против страны Советов — вот что связывалось в сознании поэта с «гидрой капитализма». В натуральную величину увидел поэт «капитал — его препохабие» во время своих заграничных поездок.

Поэту было ясно: историческая обреченность «буржуазного дела» совсем не означает, что владельцы монополий сложили оружие и отказались от борьбы. Наоборот, по мере роста и укрепления страны социализма, ненависть к ней капиталистов всех стран все более возрастает. Маяковский видел, что империалисты вынашивают планы новой войны, что международная буржуазия не ограничивается подготовкой открытого военного нападения на Советский Союз; она усиленно прибегает к циничным приемам так называемой «холодной войны». Поэт называл эти приемы их настоящими именами: «на территорию нашу спущена свора шпионов, поджигателей, бандитов, убийц». Он вновь и вновь говорил о необходимости повышать бдительность советского народа.

В пьесе «Баня» Маяковский нарисовал сатирический образ некоего Понта Кича — «известного филателиста», который «очень интересуется химическими заводами, авиацией и вообще искусством». Любознательный «филателист» пытается выведать секрет важного изобретения, но во-время разоблачен рабочими.

Маяковский подчеркивал, что охрана безопасности нашего государства — священная обязанность каждого советского человека:

Наши
и склады,
и мосты,
и дороги.
Собственным,
кровным,
своим дорожа,
встаньте в караул,
бессонный и строгий,
сами
своей республики сторожа!

Враги социализма готовы воспользоваться малейшей нашей оплошностью, чтобы застать нас врасплох, пролезть в любую щель, неожиданно ударить в спину. Боясь нашей силы, они надеялись на то, что мы ослабим сопротивление:

На нас
эксплоататоры
смотрят дрожа,
и многим бы
очень хотелось,
чтоб мы,
кулак диктатуры разжав,
расплылись —
в мягкотелость.

Разоблачая происки врагов многомиллионного советского народа, Маяковский звал к беспощадной борьбе с ними. Этот призыв был выражением того чувства пролетарского гуманизма, о котором А. М. Горький в статье «О культурах» писал: «Гуманизм пролетариата требует неугасимой ненависти к мещанству, к власти капиталистов, его лакеев, паразитов, фашистов, палачей и предателей рабочего класса, ненависти ко всему, что заставляет страдать, ко всем, кто живет на страданиях сотен миллионов людей». Именно эта мысль лежит в основе многочисленных призывов Маяковского беречь, как зеницу ока, свою родную страну.

Творчество Маяковского — поэтическая школа воспитания советских людей. Политическая зоркость и революционная бдительность — без этих качеств поэт не представлял себе подлинно советского человека.

Маяковский хорошо знал, что «очень много разных мерзавцев ходят по нашей земле и вокруг». Он ожесточенно боролся против идиллического представления о нашей действительности. В стихотворении «Идиллия» он зло издевался над обывательской успокоенностью, рисующей жизнь, в которой «нету терний». Острый сатирический портрет мещанина, не видящего, что «на республику лезут громилы», нарисован Маяковским в стихотворении «Ответ на мечту».

Поэт последовательно боролся и с попытками идиллического изображения советской действительности в литературе. Ярким памятником этой борьбы является его стихотворение «Письмо к любимой Молчанова...». Здесь Маяковский развенчал аполитичную поэзию, рисующую жизнь советских людей, как безмятежное существование. Он напоминал об «угрозе вражей». Поэт видел эту угрозу не только в капиталистическом окружении. Внутренние враги, стяжатели, взяточники, проходимцы, перекрасившиеся, фальшивые люди, приспособленцы, подхалимы, лицемерные лгуны, тщеславные чинуши были для поэта врагами социализма и поэтому его, Маяковского, смертельными врагами. Поэтому с такой прямой беспощадностью он давал названия своим сатирическим произведениям: «О дряни», «Мразь», «Клоп», «Подлиза», «Помпадур», «Трус» и т. п. Огнем сатиры выжигал Маяковский все эти отвратительные наросты капитализма, всю эту плесень, жадно цепляющуюся за жизнь и отравляющую ее.

Маяковский всегда держал под прицельным огнем растленную «философию» буржуазного общества и во-время переносил огонь на тех, кто в нашей стране пытался пресмыкаться перед этой «философией».

Указывая на средства борьбы против поползновений капитализма удушить Советское государство, Маяковский писал: «Но самое сильное наше оружие — большевистская мысль». Известно, сколько сил и труда отдал поэт борьбе за идейную чистоту советской литературы, за то, чтобы она не покрылась ржавчиной и была грозным оружием в руках советского народа.

Поэзия Владимира Маяковского, лучшего, талантливейшего поэта нашей советской эпохи,— великий пример служения интересам Родины.

Фабричные художники

Мих. КОЧНЕВ

На фабрике есть такой, всегда светлый, уголок, из которого как бы никогда не уходит нарядная русская весна. Этот уголок — художественная мастерская.

Тихо, светло, чисто в мастерской. Высокие столы-«конторки» стоят около окон, и естественный свет ровно падает на их поверхность. В баночках и на картонках алеют ягоды красок; карандаши, листы рисовальной бумаги да тонкие, как иглы, кисточки из беличьего пуха — основное производственное оружие работающих в мастерской.

Все цвета и оттенки, что приносит месяц май в поля, луга и леса, мы видим здесь. И цветы, которыми весна покрывает землю, мы встретим здесь: васильки, маргаритки, ландыши, незабудки, анютины глазки, золотоголовые лютики, маки...

Природа с ее необозримым многоцветием — неизменная помощница художнику в его труде. Потому-то ткань, облагороженная узорами, радует наш взор, заставляет нас вспомнить солнечные тропинки и дорожки, возле которых лежат живописные ковры, сотканные из цветов.

Немногочисленный, но дружный и трудолюбивый отряд художников любит свое дело. Ткани, сработанные на Новой Ивановской мануфактуре, завоевали себе добрую славу у потребителей.

К заведующей мастерской Вере Валентиновне Гурковской подходит Аля Закурина:

— Этот рисунок, Вера Валентиновна, я думаю сделать по сатину для платьев и халатов. Как вы находите?

Гурковская принимает лист плотной бумаги, на котором в овале сверкает красками новый рисунок. На нем искусно сплетены в изящные формы полевые цветы, так хорошо, с самого детства знакомые русскому человеку!

Любовь к природе, обостренное чувство неиссякаемого природного многоцветия очень заметны в наиболее удачных работах молодой художницы. Может, поэтому ей лучше всего удаются рисунки, насыщенные цветом. Прекрасен ее рисунок для ситца, созданный по так называемым северным мотивам. Этот рисунок — творческий отчет художницы, побывавшей прошлым летом в командировке в Архангельской области.

Сама Гурковская более двадцати лет прожила в деревне, около прославленной мастерами миниатюрной живописи Мстеры. Тонкая, ювелирная работа художников Мстеры заронила в душу будущей художницы мечту посвятить себя рисовальному искусству. Желание ее сбылось: она окончила техникум художественной промышленности и вот уже два десятилетия работает на ивановских фабриках. Она создала множество превосходных плательных, сарафанных и других расцветок, с этими расцветками напечатаны миллионы метров сатина, батиста, майи.

С особенной любовью и старательностью Гурковская многие годы трудилась над созданием рисунков в духе колоритного, богатого цветом и изящного своими художественными формами народного орнамента. Ее работа в этом направлении отнюдь не сводилась к копированию и простому воспроизведению старинных образцов. Она творчески перерабатывала народный орнамент, сохраняя его стилевые особенности. Художница подарила потребителям много оригинальных рисунков, некоторые из них живут долгие годы. Например, ее рисунок «сарафанный по ситцу» более десяти лет не сходит с производства на ивановских фабриках.

Вот художницы склонились над эскизом нового рисунка, поданного ученицей, которая проходит здесь производственную практику. Минуты три не слышно ни слова. Вглядываются, «въедаются» в рисунок, в каждый его завиток.

— Опять эти летящие вразброд лепестки! Будто осень пришла, будто ветер оборвал цветки... Солнышка мало в рисунке...

— Можно бы лучше подобрать цвета... Смотрите, что получается?! Этот оттенок портит все впечатление!..

— Верно, — соглашается Гурковская с замечаниями художниц, — рисунок, как оркестр: один фальшивый звук, и гармония нарушена. В многоцветном рисунке один негармонирующий цвет все дело портит...

Здесь каждый художник беспокоится не только о своем рисунке, но и о работе своего товарища.

В мастерской много говорят о рисунках для детских тканей. Художницы горят желанием сделать свой подарок детям.

За последние годы художники Новой Ивановской мануфактуры порадовали юных потребителей многими веселыми расцветками. Гурковская, Кузнецова, Кулагина, Белова создали несколько примечательных рисунков для так называемого «детского ассортимента».

Не сразу дается новый рисунок даже самым одаренным и прилежным художницам.

— А помнишь, — говорит Марусе Кузнецовой одна из подруг, — как ты искала «Красную Шапочку»?

— Помню...

* * *

Это было года три тому назад. Молодая художница сдала художественному совету фабрики свой новый рисунок «Маргаритки». Она долго, усидчиво и кропотливо работала над ним.

«Маргаритки» быстро завоевали себе славу. Художественный совет принял их с единодушным одобрением, рисунок получил отличную оценку, автора премировали. Граверы перевели рисунок на печатные валы, колористы подобрали краски... И уже первые сотни кусков ткани с веселыми «маргаритками» отвозили на товарную базу.

Знатоки расцветного дела в один голос предсказывали, что «маргаритки» цвести будут долго; если красители не подкачают, то ни мороз не убьет, ни туман не съест, ни дождь не смоет эти цветы, ни жгучее южное солнце не повредит им.

Подруги и друзья поздравляли Марусю с удачей. А она была чем-то озабочена. В работе будто сбилась со своей тропы. Те же кисточки под рукой, те же краски, а новой удачи все нет и нет...

Как-то раз на коротком производственном совещании в мастерской Маруся Кузнецова высказала мысль, которая ее тревожила:

— Нас, фабричных художников, правильно упрекают, что мы порой забываем о самых юных гражданах нашей страны, о малышах, о дошкольниках... Где ткани, сделанные так, чтобы красота сопутствовала нашим малышам с первых дней их жизни? Вот над этим я и думаю в последнее время. Мне хочется порадовать дошкольников новым рисунком, чтобы он и платьице украшал и чтобы понятен был ребенку, чтобы даже помогал развивать в нем любознательность и фантазию... Если хотите, чтобы он помогал воспитателям детского сада и родителям, как помогает детская книжка. Мне хочется найти тематический рисунок для детей. Но, вижу, что это нелегко! Ищу, много передумала, принималась за наброски, пробовала, но, пока что, это — только поиски...

Одна из подруг сказала, что, мол, тематический рисунок в нашем деле — этап пройденный. Тематический рисунок «не оправдал себя». Действительно, лет пятнадцать-двадцать назад были такие неудачные попытки, когда художники изображали на плательной ткани серпы, молотки, шестерни и даже тракторы и нефтяные вышки... Это, конечно, был заскок, трюкачество.

Не на таких образцах думала учиться Кузнецова. В тематическом рисунке она не хотела отказываться от исконной русской традиции текстильного узора — яркого, колоритного, сочного и четкого в деталях, от той традиции, которую создали безымянные рукодельцы-искусники в старом Иваново-Вознесенске, заслужившие звание сорочечных и сарафанных «королей», искусство которых развила, подняла выше, двинула дальше молодая смена советских художников.

В выходной день с блокнотом и карандашом художница Кузнецова зашла в парк. Она присела на скамью в самом тихом уголке. Вокруг было много зелени, цветов, ярких красок, высокое небо над городом сияло ультрамарином. А мысль и карандаш не находили, что из окружающего мира перенести на листок блокнота...

Напротив, через дорожку, посыпанную желтым песком, стояла другая скамья. Смуглая девочка с белокурой подружкой-сверстницей и мальчик, чем-то похожий на рыжика из-под сосны, выбежали из-за кустов и сели на скамью. «Рыжик» разложил на коленях книжку; девочки сидели по обеим сторонам «чтеца». По правде говоря, он был рассказчик, а не чтец — он еще не умел читать.

Художница наблюдала за ними. Мальчик рассказывал сказку про «Красную Шапочку»... Он «читал» по картинкам.

И Маруся неожиданно нашла то, что искала уже много дней. Мягкий карандаш заскользил по бумаге. «Красная Шапочка» пришла к ней, как помощница в работе, она помогла художнице найти самую корневую петлю, вокруг которой должно было вырасти кружево рисунка. Листок за листком блокнот заполнялся набросками.

Она не просто иллюстрировала сказку, как, например, художник иллюстрирует детскую книжку. Ткань — не книжная страница. Специфические условия производства заставляли художницу искать свой, особый путь. По сюжету сказки она строила композицию рисунка, который должен был легко и привольно принять все светлое содержание поэтической сказки: и весенний лес с цветами, птицами, мотыльками и грибками, и самую «Красную Шапочку», сказочную лесную избушку, и серого волка...

Сразу все это сочетать и композиционно уравновесить было не так-то легко и просто.

Не падай духом, когда дело только запрядено,— есть трудовое присловье у фабричных,— а радуйся, когда оно спрядено. Иная работа вначале серебряным кольцом по бархату катится, а потом и остановится, а конца еще не видно. Но что бы там ни было,— начало положено. Она ушла из сада, когда уже солнце опустилось ниже крыши многоэтажного дома.

Когда человек находит то, что давно искал, любая работа оборачивается к нему веселой, светлой стороной. Дни шли за днями. Найдена была нужная форма и интересная, увлекательная композиция. Сказка превратилась в текстильный рисунок. Кисточка умело скрыла за растительный орнамент, за ветки и листву — лесной домик, внучку и бабушку, но скрыла так, что если вглядишься в вязево рисунка, то он будто оживает и сквозь орнамент явственно проступают знакомые фигурки.

И вот, наконец, из-под печатного барабана замелькали белые дорожки, окаймленные рисунками. «Красная Шапочка» пошла к тем, для кого старалась художница!

Так Кузнецова положила начало работы над рисунками для тканей, предназначенных малышам. Это была своего рода разведка, и в то же время это был в определенной мере новаторский шаг...

Вместе с Кузнецовой над созданием тканевых рисунков для малышей увлеченно трудятся и ее подруги. Превосходно, например, выполнен молодой художницей Кулагиной легкий и гармоничный в формах, радужный по сочетанию цветов рисунок «Две полоски».

* * *

Народное художественное творчество — неоскудевающая сокровищница, вечно живой родник вдохновения и для художников, создателей текстильных узоров. Русские, украинские, белорусские, грузинские народные вышивки, художественные украшения керамических изделий — все это постоянно привлекает пристальное внимание художников. В частности, в народных вышивках, в керамических украшениях очень рельефно, богато и ярко выражены высокий поэтический взлет народной фантазии, ее светлый, жизнеутверждающий характер. В самых разнообразных проявлениях народного творчества отчетливо видна его национальная форма, придающая художественным изделиям чарующее своеобразие, неповторимую самобытность.

Вот потому у художников Новой Ивановской мануфактуры стало традицией — каждое лето выезжать в творческие командировки, ближе к истокам народного художества. «Тиражность» каждого хорошего текстильного рисунка обычно исчисляется десятками, а нередко и сотнями миллионов метров тканей! Понятно постоянное стремление художников сделать свое искусство глубоко народным в самом широком смысле этого слова, чтобы рисунки на тканях, украшая быт человека, были близки и понятны его душе, чтобы приносили в нашу жизнь радость, бодрость, веселье, чтобы они еще выше подымали эстетический уровень и художественный вкус людей.

Художницам Кузнецовой, Закуриной, Кулагиной, Беловой в их работе бывают нужны не только русские, украинские, грузинские вышивки, но и коллекции Эрмитажа и коллекции тканей Исторического музея.

— Я часто бываю в музеях, — рассказывает Кузнецова.— Пристально рассматривая и изучая русские многоцветные ткани прошлых веков: фелони, платки, скатерти, наволоки, дорогие парчи, бархаты, дорожники, декоративные материи, — я всегда с отрадой думаю о том, что никогда, даже в самую седую старину, наше русское народное искусство не было в плену у заграничной моды. На что ни глянешь, как в саду тропинка, так и в художественном мастерстве видна во всем наша русская дорожка. Вот гляжу на рисунки старинных набивных тканей и вижу в красках, в формах цветов что-то знакомое, родное, близкое. Вижу, что не из-за моря к нашим предшественникам приплывало вдохновение, приходило оно с родной земли, из русской жизни. Разными ручейками стекалось оно к мастерам. Вышивка одежд и резьба по кости, украшения кафельных печей и узоры со старинных русских рукописей и книг, лубочные картинки, даже резной орнамент по дереву — все это незримыми нитями вросло в нашу самобытную набойку. А больше всего в русских рисунках отражена природа!

Рисунки художников Новой Ивановской мануфактуры выгодно отличаются своим реалистическим колоритом, правдиво и четко выраженными формами. Если мы видим вплетенные в узор лепестки ромашки или сирени, то уж не смешаем их ни с какими другими цветами. Всему этому, почерпнутому из природы, придана своя изящная форма, и самое главное, — художник как бы вдохнул в рисунок определенное настроение.

Из живого моря народного вдохновения черпают советские фабричные художники свои новые творческие замыслы.

* * *

Посмотрев на вдохновенную работу ивановских художников, по душам побеседовав с ними, убеждаешься, что они горячо желают дать еще больше хороших рисунков не только для взрослых, но и для детей...

И все же таких веселых, нарядных тканей для детей в магазинах бывает все еще мало!

Почему же так происходит? Оказывается, что взрослые «дяди и тети» из сбытовых и торгующих организаций с большой неохотой дают на фабрики заказы на детский ассортимент.

Та же Новая Ивановская мануфактура, где художники создали хорошие рисунки для детей, выпускает ничтожно малое количество тканей детского ассортимента. Так обстоит дело и на других фабриках.

Работники сбыта диктуют, или, как говорят здесь, «расписывают», какие ткани выпускать фабрикам и в каком количестве, зачастую не считаясь с доводами потребителя.

Сплошь да рядом на заседаниях художественных советов раздаются категорические голоса товароведов:

— Этот рисунок не пойдет! Не примут... чувствую интуитивно: эта ткань не нужна. Уж я-то знаю...

А на проверку оказывается, что такой товаровед давным-давно превратился в чиновника и мало сведущ, в каких сортах тканей, в каких рисунках нуждается потребитель. И часто решение вопроса зависит от субъективного вкуса одного-двух товароведов.

А почему бы при главках, при сбытовых базах, при фабриках или, наконец, при крупных универмагах регулярно не устраивать выставки новых рисунков уже в тканях, приглашая на эти выставки и потребителей, и производственников, и, конечно, художников.

Устройство таких выставок — дело несложное, а они помогут скорее дать потребителю ту ткань, которая ему нужна. Они помогут фабричным художникам преодолеть то равнодушие, которое нередко гасит их творческий пыл. Художники не хотят больше слышать в ответ на свои беспокойные вопросы излишне спокойные ответы: — Да стоит ли по таким пустякам тревожиться?

Нет, это не пустяки!

ИВАНОВО

Открытие фестиваля чехословацких фильмов

Вчера в шестнадцати городах нашей страны начался кинофестиваль чехословацких фильмов. Для участия в нем из Чехословакии прибыла группа кинорежиссеров и актеров, возглавляемая видной писательницей, лауреатом Государственной премии Марией Пуймановой.

В день открытия кинофестиваля на экранах столицы демонстрировалась новая цветная художественная картина, снятая государственной киностудией в Праге,— «Завтра будут танцевать всюду». В фойе многих кинотеатров, дворцов культуры и клубов, украшенных государственными флагами СССР и Чехословацкой республики, развернуты выставки, знакомящие зрителей с успехами чехословацкой кинематографии.

В московском Доме кино состоялся торжественный вечер, посвященный открытию фестиваля. Приветствуя гостей, заместитель министра культуры СССР И. Большаков отметил значение кинофестиваля для укрепления дружбы и культурного сотрудничества между братскими народами СССР и Чехословацкой Народно-Демократической Республики. На вечере с речью выступили Чрезвычайный и Полномочный посол Чехословацкой республики в Москве Я. Вошаглик, писательница Мария Пуйманова, заместитель председателя Мосгорисполкома З. Миронова. Народный артист СССР Г. Александров представил чехословацких гостей деятелям советской кинематографии.

Вечер памяти Мирза Фатали Ахундова

Вчера в Москве, в Концертном зале имени П. И. Чайковского, состоялось торжественное заседание, посвященное памяти выдающегося азербайджанского мыслителя, писателя и просветителя Мирза Фатали Ахундова. В зале собрались писатели, деятели науки, культуры, стахановцы предприятий, студенты, представители общественных организаций столицы.

Заседание, созванное Союзом советских писателей СССР в связи с 75-летием со дня смерти Мирза Фатали Ахундова, открыл заместитель генерального секретаря ССП СССР К. Симонов. С докладом о жизни и творчестве Мирза Фатали Ахундова выступил доктор филологических наук М. Добрынин.

Поэт П. Антокольский прочел свой новый перевод поэмы Ахундова «На смерть А. С. Пушкина».

В заключение состоялся концерт с участием мастеров искусств.

ГОРОД НА КАСПИИ

Необычный город растет на бурных волнах Каспия, у самого Баку. Город с кварталами жилых домов-общежитий, клубами, библиотеками, магазинами, почтовыми отделениями. У гавани, возникшей в море, швартуются пароходы. Возвышаются над водой ажурные буровые вышки. Видны гигантские баки с нефтью. Когда спускается вечер, море озаряется множеством электрических огней. И кажется тогда, что Каспий отошел куда-то далеко, за невидимую с берега линию...

Город этот создан на искусственных островах. На островах поднялись его буровые вышки, на островах возникли его жилые кварталы и культурные учреждения, по эстакадам проложены надводные улицы. Даже гавань создана искусственно, затоплены старые корабли, отгородившие место для стоянки танкеров.

Давно ли шли в научных кругах споры: есть ли нефть в глубинах Каспия? Не размыты ли еще в древние времена водами моря пласты, содержащие нефть?

Не много лет прошло с тех пор, как азербайджанские геологи заложили в пяти километрах от берега первую разведывательную буровую. А вышки уже шагнули далеко за горизонт. И вышки эти строятся в пять раз быстрее, чем на суше, и обильно течет нефть в гигантские баки-хранилища, откуда ее забирают танкеры. Связь между искусственными островами в море и берегом поддерживают корабли. Они везут оборудование, рабочих, продовольствие, автомашины. Да, автомашины, потому что искусственные острова соединены между собой улицами-эстакадами. Рабочие морских промыслов живут здесь в домах-общежитиях.

НА СНИМКЕ: эстакада, соединяющая буровые морского города.

Снимок специального фотокорреспондента «Литературной газеты» Б. ВДОВЕНКО

ЛЬНОВОДНЫЙ КОНВЕЙЕР

Валентин ТИХОНОВ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

Представьте на минуту, что механизированная лента заводского конвейера обрывается на середине сборочного процесса. Дальше полусобранный агрегат «тащат» как придется, на руках, на тележке, заканчивая сборку.

— Не может быть, — недоверчиво скажете вы.

Увы, нечто подобное наблюдается в большой, важной отрасли народного хозяйства — льноводстве.

Слава русского льна давняя и добыта многовековым стараньем, умельством русского крестьянина. Одно дело — лён вырастить, другое — из зеленого, слабенького на вид стебля выделать тонкое, изумительное по крепости волокно — первоклассное сырье для промышленности. Недаром в народной поговорке говорится про лён: «Били меня, колотили меня, во все чины производили...»

На бедном наделе, с примитивными орудиями, а больше своими руками, своим горбом, выхаживал крестьянин «северный шелк», как не зря называют лён.

Подростком мне приходилось на Смоленщине мять лён на ручной мялке, молотить вальком.

Советское государство освободило миллионы льноводов от многих видов ручного непроизводительного труда. В колхозы взамен сохи, валька, щелевой мялки пришли тракторы, льнотеребилки, льномолотилки, льнокомбайны и другие сложные машины. Льнокомбайнер Алексей Кузьмич Васильев из Лядского района на Псковщине на своей машине убирал за сезон более 170 гектаров льна. Это ручной труд двух тысяч ста тридцати шести человек. Вот что такое льнокомбайн!

Но наряду с первоклассной техникой в льноводстве сохранились еще отсталые, прадедовские способы труда.

Тов. Маленков, говоря с трибуны XIX партийного съезда о колоссальном росте социалистического сельского хозяйства, отметил: «В послевоенные годы значительно увеличилось производство льна и овоще-бахчевых культур. Однако из-за недостаточного внимания партийных, советских и сельскохозяйственных органов к производству этих нужных культур, продукция льна и овощей в ряде областей еще не достигла довоенного уровня».

Лён у нас выращивается на огромной территории — от Сибири до Прибалтики. И ежегодно часть урожая утрачивается. Утрачивается при обработке соломки — на том этапе льноводного дела, где еще нет механизации, где преобладает ручной труд.

Надо ясно представить себе, как выглядит сейчас «льноводный конвейер».

Тракторы — на вспашке, рядовые сеялки — на севе, льнотеребилки и льнокомбайны — на уборке. В этой цепочке уже имеется разрыв. «Будущее за льнокомбайном»! — в один голос говорили все, с кем мне приходилось беседовать на Псковщине и в Калининской области. Однако пока комбайновая уборка не решает проблемы механизации льноуборки во всем комплексе. Комбайн вытеребил лён, очесал головки. А что делать дальше с ворохом сырых головок и обрывков стеблей, если через короткое время вся эта «путанина» начинает гореть, а семена портятся?

Семнадцать лет назад сконструированы первые образцы комбайна, четыре года, как «ЛК-7» пущен в серийное производство, и до сих пор нет сушилок для льноголовок. Нужна не вообще сушилка, а такая, которая сохраняла бы всхожесть семян (лён убирается с недозревшими головками), была экономична и проста по конструкции. Ее нет! Колхозам рекомендуется сушить головки в островьях (еловые колья с коротко обрубленными сучьями), на стеллажах и т. п. Комбайн и... еловые колья! В областях стланцевого льноводства, где раньше не знали очеса, островья прижиматься особенно туго. Кое у кого рождаются антимеханизаторские настроения: «Комбайн вытеребит, а потом возись с головками. Лучше уж руками». Здесь — первый разрыв в льноводном «конвейере», возвращение к ручному труду, к старине.

И другое: в созревшем стебле льна заключено волокно. Но не так просто выделить это волокно из всей массы стебля и придать ему нужные качества — «облагородить», как выражаются специалисты. Как превратить экономично и быстро, без потерь соломку льна в полупромышленное сырье—тресту, это сейчас важнейшая, если не самая главная, проблема льноводства.

На Псковщине и по соседству с нею соломку замачивают в «мочилах», «копанцах» (ямах); в других местах расстилают на лугах («росяная мочка»). Дело, конечно, не в техническом анахронизме. Мочка и расстил—ручной труд, а в колхозах в эту пору — страда. Затем, лён любит поблагодушествовать в поле, ему нужно «отлежаться» три-пять недель. Сотни, тысячи гектаров колхозных полей и лугов осенью превращаются в своеобразное льняное «банно-прачечное заведение». Собранный урожай снова отдается на милость природы. Увы, осенью природа сурова. Именно здесь и возникают большие потери.

В Институте льна, в Торжке, мне показали диаграмму колхозного труда на льне. Весенняя пора была отмечена ровной, невысоко поднятой линией, она несколько сдвинулась вверх на уборке (часть льна теребили вручную), дальше линия вдруг круто вздыбилась, образовав острый язык. У льна это было время «от соломки к тресте». «Раньше, — сказали мне, — такие «пики» наблюдались в льноводстве и в другие периоды — теребления, обработки тресты в волокно, даже весной, на севе; теперь эти работы основательно механизированы. Осталась вот эта «пика»!»

Итак, в льноводном конвейере второй серьезный разрыв — обработка соломки. Только ли в этом источник потерь? Причины есть и другие, но факт бесспорный: если комбайн станет основной уборочной машиной в льноводстве, а соломка от комбайна пойдет прямо в механизированную обработку, потери намного снизятся.

Но чем же заменить мочку «росой», мочку в копанцах? Как уйти от стародавних способов, от ручного труда?

Одни ученые предлагают отделять луб (волокнистую часть стебля) механическим путем и затем соответствующей обработкой «облагораживать» его; другие изучают обработку соломки паром; третьи — воздействием химикалиями; четвертые стоят за холодноводную мочку с бактериальной закваской; пятые ратуют за мочку в теплой воде с ферментами — продуктами жизнедеятельности определенных бактерий. Как видим, научная мысль не стоит на месте. Но и дело не двигается. Ученые не могут предложить производству до конца решенного, экономичного, эффективного способа обработки соломки. Неужто в самом деле проблема столь трудна, что нужны десятилетия на ее решение?

Суть дела, на наш взгляд, в том, что проблема не поставлена как проблема государственного масштаба. Формально в этой области работают по крайней мере четыре института: Всесоюзный научно-исследовательский институт льна в Торжке, Институт сельскохозяйственной микробиологии в Ленинграде, Институт лубяных волокон в Москве, Институт социалистического земледелия в Белоруссии.

Реально же в Ленинграде, например, над проблемой обработки соломки трудятся... два научных сотрудника. Ленинградку З. С. Маркову из Института микробиологии я встретил на Псковской льняной станции, куда она приехала ставить научные опыты. Маркова — энтузиаст своего дела. Над проблемой бактериальной мочки она работает около двадцати лет. Один человек двадцать лет «бьется» над решением одной проблемы! В Институте льна проблемой обработки соломки также занята маленькая группа научных сотрудников — исключительно агрономы, инженеры-механизаторы, и ни одного химика, биохимика.

— Так что же, прадедовские способы заменить нечем? — вправе спросить читатель. — Потери в льноводстве пока неустранимы? Нет, не так. Еще в 1925 — 1932 гг. в СССР действовал ряд заводов с цехами приготовления тресты (тепловой мочки). Сейчас таких цехов два на весь Союз: на Лихославльском заводе и в Сибири (Маслянинский). Что же это за цехи? В Лихославле я побывал. На открытой площадке заводской территории вделаны в землю несколько вместительных железобетонных чанов, по форме похожих на обычные ванны. По дну чана уложен паропровод. Загрузка и выгрузка производятся пока вручную. Вот, собственно, и весь цех. Процесс мочки несложен. В чаны загружается соломка, заливается водой. Паропровод подогревает воду до нужной температуры. Через 65 — 70 часов (вместо 3 — 5 недель при расстиле) процесс мочки закончен. Соломку отжимают на прессе или специальной машиной, промывают, подсушивают, и треста готова.

— На сколько же снизятся потери урожая, — спросил я директора Лихославльского завода, — если соломка из-под комбайна пойдет в заводскую мочку?

— Потерь не должно быть совсем, — ответил он. — Ну, кое-что при перевозке и хранении соломки...

Даже этот бедно оборудованный цех заставляет кое о чем задуматься. Заводская мочка «спасает» собранный урожай от капризов природы, облегчает колхозам их осеннюю страду. Льноводный конвейер приобретет недостающее звено.

Еще в 1948 году было принято решение о строительстве заводов с тепловой мочкой. Решение это пока не выполнено. Даже на вновь строящихся льнозаводах (скажем, на Псковщине) цехи тепловой мочки не предусмотрены.

Вопрос дальнейшей, более полной механизации льноводства — вопрос о «льноводном конвейере» — не новый. О нем говорят, думают, пытаются что-то делать. Но уже одно то, что льноводство до сих пор не разделалось с прадедовскими способами и потери в урожае почти не снижаются, заставляет предполагать, что думают об этом мало, делают — еще того меньше.

В дореволюционное время перед крестьянским льноводством был закрыт путь прогресса. «Превращая льноводство в азартную игру, — писал В. И. Ленин, — капитал разорял массы мелких земледельцев, ухудшал качество льна, истощал землю...».

У социалистического льноводства немало надежных помощников—наука, трудовой пафос и опыт самих льноводов, превосходная техника—плод неустанных забот государства. Тем решительнее надо кончать с остатками «древностей» в льноводном деле.

ПСКОВ—ТОРЖОК

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ

Творческий план молодого инженера

Три года назад техник А. Чуканов вступил в новую для него большую жизнь: защитив дипломный проект, он пришел работать на Московский комбинат твердых сплавов. Как и у всех молодых специалистов, у него было много творческих планов. И вот он впервые выступает перед инженерно-техническим коллективом с рассказом о своей работе, и в словах его звучит обида, которую он не может скрыть:

«Порученную мне работу я освоил за 8—10 месяцев, но вот уже три года подряд я вынужден выполнять одну и ту же операцию. Делаю я ее почти механически, ибо никто ни разу не сказал мне, хорошо или плохо я работаю...»

Равнодушие руководителей предприятия к росту молодых специалистов испытывает на себе не только техник Чуканов. Свыше пятидесяти молодых инженеров и техников комбината откликнулись на призыв своей многотиражной газеты «Металлург» коллективно обсудить статьи о творческом долге инженера, опубликованные в центральной печати.

Много интересного, ценного было высказано на этом обсуждении. Много справедливых, критических замечаний было адресовано руководству комбината. Почему, например, молодой инженер тов. Макаров, окончивший институт по факультету автоматики, используется не по специальности? Разве проблема автоматизации не актуальна для комбината?

Желание повысить значение и эффективность своего труда на производстве звучало во всех выступлениях молодых специалистов. Что же мешает им? Только ли недостаточное внимание к их работе? Участники совещания были самокритичны, они не замалчивали и своих ошибок.

«Конечно, руководство завода должно направлять деятельность молодых специалистов, — говорит инженер П. Калитин, — но каждый из нас обязан работать над собой, иметь свой творческий план и настойчиво осуществлять его».

Молодые специалисты выдвинули ряд предложений, к которым следует прислушаться не только на комбинате твердых сплавов. На заводах проводится сейчас аттестация инженерно-технических работников. Аттестация — большое событие в жизни молодых специалистов, это государственная оценка их деятельности. Но проводится она, по общим отзывам выступавших, формально, настоящей оценки нет, регистрируются в основном прохождения по службе. И вполне справедливо требование: при аттестации проявлять особенный интерес к творческому росту молодых специалистов.

«Необходимо посылать молодых специалистов на другие предприятия для повышения их технического кругозора», — предлагает инженер М. Ромейко.

Молодые инженеры часто испытывают неприятное чувство оторванности от большой работы, которую проводит высококвалифицированный коллектив комбината твердых сплавов. И поэтому закономерно требование инженера тов. Калининой:

«Систематически проводить научно-технические конференции, совещания, на которых мы могли бы узнать о технических новшествах, о внедрении новой технологии в цехах, о результатах исследовательской работы, проводимой в научно-исследовательской лаборатории».

Редакция многотиражной газеты «Металлург», опубликовав эти высказывания, сумела пробудить в коллективе бо́льший интерес к работе молодых специалистов, к судьбе каждого молодого инженера и техника. Газета может многое сделать и для того, чтобы этот интерес не ослабевал, а предложения молодых специалистов были осуществлены.

КИНО

МЕЧТА СБЫЛАСЬ

Тишина мирного деревенского дня. Теплый ветер колышет созревшую пшеницу, высоко в небе поет жаворонок. По полю идет, улыбаясь, стройный подросток. Его голова высоко поднята, он пересвистывается с птицами, глаза его «блестящие и быстрые, как ласточки в полете»,— горят; он очарован красотой окружающей природы.

Но вот среди пшеничных колосьев внезапно появляется всадник с нагайкой в руке. Его окрик возвращает мальчика к действительности...

Так начинается новый румынский художественный фильм «Мечта сбылась», вышедший на экраны Советского Союза.

Фильм является экранизацией повести «Митря Кокор», написанной виднейшим современным румынским писателем Михаилом Садовяну, удостоенным за это произведение Золотой медали Мира.

Три года тому назад, вскоре после выхода в свет повести, один из крестьян села Сечань писал Садовяну: «Я нашел в повести все то, что пережил я и подобные мне».

Имя Митря Кокора стало широко известно даже в отдаленных уголках страны, в деревнях, где до освобождения Румынии вообще ничего не читали.

Перед творческим коллективом, работавшим над фильмом, стояла сложная и ответственная задача — воссоздать на экране один из популярнейших и любимейших образов румынской литературы.

Перед нами проходит волнующая повесть о тяжелом и сложном жизненном пути простого крестьянского парня, который из забитого, неграмотного батрака превращается в сознательного борца за счастье народа.

Попав в рекрутский набор, Митря Кокор среди простых солдат находит тех борцов за справедливость, о которых ему рассказывал в деревне односельчанин Стойка Чернец. Он знакомится со стойкими в борьбе и простыми в общении коммунистами — Окь Верзь, прозванным «учителем», и кузнецом Коста Флоря, которые раскрывают перед этим понятливым и сметливым парнем новый мир. И когда его часть отправляют на фронт, Митря уже знает, что ему и другим солдатам нечего ждать добра от этой преступной войны, ведущейся кликой Антонеску в интересах буржуазии и помещиков.

Под мощными ударами советских войск гитлеровские орды, а вместе с ними и наспех сколоченные румынские воинские части в панике откатывались назад с советской территории. Митря попал в плен.

Крайне важным был для него момент создания на территории Советского Союза румынской добровольческой дивизии, в рядах которой он получил возможность бороться бок о бок с советскими воинами не только за освобождение своей родины, но и за полную победу над фашизмом. После окончания войны Митря возвращается в родное село и руководит проведением аграрной реформы.

...И вот наступил день, когда с восходом солнца первый крестьянский плуг медленно и торжественно двинулся по бывшей помещичьей земле, оставляя глубокую борозду. В этот день сбылась вековая мечта Митри, Стойки Чернеца, старика Тригли и других крестьян. Этот день — начало нового пути в их жизни...

Фильм «Мечта сбылась» — значительное творческое достижение молодой румынской кинематографии. Постановщики М. Садова и В. Илиу сумели создать произведение, проникнутое чувством любви к людям, полное оптимизма и веры в светлое будущее. С большим профессиональным мастерством сделаны многие эпизоды. Надолго запоминается сцена поминок в доме Митри, где среди шумного веселья гостей особенно одиноким кажется осиротевший мальчик; сцена в примарии, когда группа крестьян во главе с Чернецом приходит смещать старосту; волнующий эпизод ареста коммуниста Окь Верзь.

Хороши в фильме массовые сцены, особенно батальные, с участием сотен людей и современной военной техники.

Результатом плодотворной работы постановщиков с актерами явился ряд крупных актерских удач.

Роль Митри Кокора имеет двух исполнителей. Митрю-подростка играет молодой актер Корнел Русу, сделавший образ своего героя значительно более сложным, чем в повести Садовяну. В нем сочетаются наивность и нежность ребенка со смелостью и решительностью. Роль взрослого Митри хорошо исполняет Септимиу Север.

Тоненькая девушка с большими карими глазами и светлыми косами, искренняя в проявлении своих чувств, вся трепещущая во время редких встреч с любимым, — такой мы видим на экране Настасию, спутницу жизни Митри Кокора, в исполнении Аурелии Сореску, недавно окончившей театральный институт. К сожалению, в фильме значительно слабее, чем в повести, развита линия взаимоотношений Митри и Настасии.

Слабее, чем в повести Садовяну, удались в фильме образы коммуниста Окь Верзь и Коста Флоря (артисты А. Кодарча и Д. Ману).

Образы большой сатирической силы создают артисты Дем. Саву (мельник Гица), А. Баркан (его жена Станка), Г. Мазилу (Кристя Трехносый).

Интересна работа оператора В. Отта, сделавшего целый ряд удачных натурных съемок. Музыка, написанная известным румынским композитором С. Драгоем, построена на народных мелодиях и песнях. Жаль только, что ее мало в фильме.

Отдавая должное политически острому и целеустремленному содержанию, хорошей работе режиссеров и игре актеров, нельзя не отметить, что в фильме значительно менее удалась вторая его часть, где слабее разработан характер Митри Кокора, недостаточно четко показана эволюция образа главного героя.

В Румынской Народной Республике созданы все условия для расцвета самого массового из искусств. В стране, где раньше не было собственной кинематографии, сейчас насчитывается несколько киностудий, начато строительство киноцентра, который будет выпускать в течение года 12 художественных, 5 мультипликационных и 15 научно-популярных и учебных фильмов.

Фильм «Мечта сбылась» — четвертый художественный фильм, созданный работниками румынской кинематографии. Он свидетельствует о больших возможностях развития киноискусства Румынии, уверенно идущего по пути социалистического реализма.

Н. РОВНАЯ

В МИРЕ СОВЕТСКОЙ НАУКИ

ЗЕРКАЛО БУДУЩЕГО

В большой светлой лаборатории Московского энергетического института перед посетителем как будто распахивается «окно в будущее»: в этой комнате изучают то, что будет происходить под открытым небом на протяжении почти тысячи километров, на грандиозной линии энергопередачи Куйбышев — Москва.

Человека, впервые знакомящегося с моделью большого сооружения, невольно охватывает сомнение: неужели линию энергопередачи длиною в 925 километров при напряжении в 400.000 вольт можно заменить несколькими десятками катушек проволоки и конденсаторами?

Сооружение модели, включающей турбину, генератор, линию передачи и даже потребителей этой энергии,— задача исключительной трудности. Однако электромоделирование в Советском Союзе достигло такой высоты, столько выдающихся специалистов посвящают ему свои силы, что постройка этой необыкновенной модели сделалась возможной.

Решением проблемы динамической модели занимаются ученые в разных городах нашей страны.

В Москве динамическая модель линии Куйбышев — Москва создана усилиями научных работников Московского энергетического института имени Молотова и работников Ленинградского завода «Электросила» имени Кирова. Особую роль при этом сыграли работы профессора Т. Золотарева, доцента В. Веникова и кандидата технических наук А. Иванова-Смоленского. Модель, построенная в МЭИ, называется динамической, потому что все, происходящее в ней, изучается в движении, в динамике.

Напряжение лабораторной линии меньше настоящего в 1.000 раз, а мощность — в 100.000 раз. Турбина на модели поэтому совсем маленькая, небольших размеров получился и генератор электрической энергии. Но сколько хлопот потребовал он!

Слово «модель» обычно вызывает мысль о внешнем сходстве с оригиналом, о геометрическом подобии. У генераторов, отличающихся по мощности в 100.000 раз, такая похожесть недостижима. Электрическая машина в Энергетическом институте обросла деталями, которых не имеет ни один обыкновенный генератор. Это, собственно, уже не компактная машина, а целая лаборатория для изучения механических усилий на валу генератора, нагревания различных деталей, колебания напряжения.

Пусть линия составлена только из сравнительно небольших катушек проводов и конденсаторов, пусть мощность генератора и турбины недостаточна даже для питания одной мастерской,— исследователи видят здесь настоящую линию с проводами, уходящими в бесконечную даль. Стрелки приборов своими резкими бросками и покачиваниями в ту или другую сторону отражают все, что будет происходить в системе Куйбышевской гидроэлектростанции, в линии передачи Куйбышев — Москва и у потребителей энергии. Поворотом ключей на пультах здесь вызываются и ликвидируются аварии. Мгновенный, неуловимый для глаза ход того или другого электрического процесса запечатлевается на светочувствительной бумаге, движущейся в специальных аппаратах.

«Все это хорошо,— может сказать читатель.— Но теперь, когда радиолюбители-школьники делают математические расчеты катушек и конденсаторов в своих приемниках, неужели крупнейшие ученые и инженеры не могут теоретически решить задачу и при помощи вычислений найти ответы на все вопросы, касающиеся магистрали Куйбышев — Москва?»

К сожалению, математика далеко не во всех случаях позволяет получать решение задач, составленных по ее указаниям и требованиям. Иногда она словно подводит исследователя за руку до последней границы и говорит: «Ну, а решение ищи опытным путем»...

Вести опыты на моделях — значит получать ответы на математические задачи, не решая их. Одну из таких задач, например, представляет исследование неустановившегося режима в электросистемах.

Каждому ездившему по железной дороге знакомо весьма неприятное действие рывков в начале движения и толчков при резких остановках. В работе всех машин есть такие моменты, носящие название неустановившегося режима. Особенно запутаны явления в электрических системах при пуске и выключении машин, увеличении или уменьшении нагрузки.

В моменты неустойчивой работы отдельные части огромной системы «качаются», и может даже произойти самое страшное — «развал» всей системы, когда согласованное действие машин нарушится и энергия турбин ринется не туда, куда ей предназначено. Математическое исследование этих явлений не дает требуемого ответа, и модель линии Куйбышев — Москва служит здесь как бы огромной электрической «решающей машиной»: ответ на задачу получается без вычислений — сразу на шкалах многочисленных приборов, расставленных в разных точках системы.

Модель не только «решает». Она позволяет видеть, как протекают те или другие явления при изменении условий, она дает возможность замедлить, ускорить, ослабить эти явления и сразу наблюдать результат.

Важной особенностью модели, сооруженной в МЭИ, является то, что вместе с деталями, созданными специально для нее, тут же исследуются механизмы и приборы уже «настоящие», которые точно в таком же виде или почти в таком же будут применяться на магистрали. Например, система защиты линии от аварий, вызываемых обрывом проводов, короткими замыканиями.

«Мозг» защиты линии, установленный на модели, виден сквозь прозрачные пластмассовые стенки небольшого ящика. Здесь — набор из нескольких маленьких, очень чувствительных реле, отзывающихся на все изменения электрического состояния системы. Если что-нибудь случится на линии, реле мгновенно передают «электрический приказ» мощным механизмам, которые производят необходимые переключения. Реле работают с огромной быстротой — сотой доли секунды достаточно, чтобы они подняли тревогу. А все переключения вместе с работой мощных защитных приспособлений требуют лишь 0,1 секунды.

Для испытания действия защитной аппаратуры на модели в день воспроизводится до 40—50 аварий — коротких замыканий, обрывов, «развалов системы»... Таким путем удалось найти наилучшую конструкцию аппаратуры защиты и исследовать токи коротких замыканий, ибо знать способы борьбы с этими токами так же необходимо электрикам, как морякам важно знать свойства корабля, определяющие его способность держаться на воде во время бури...

Вот подается приказ: пустить турбину, включить генератор и линию электропередачи. Глухим ровным шумом работающих машин наполняется лаборатория. На пультах управления — точно таких, какие применяются на электростанциях, вспыхивают сигнальные лампы, щелкают выключатели. Десятки приборов, насторожившись, следят за поведением всей системы: сейчас должно произойти включение «Куйбышева» в цепь «Москвы».

«Волшебное зеркало науки — модель — показывает, как будет вести себя линия длиною в 925 километров, передающая из Куйбышева в Москву электроэнергию при напряжении в 400.000 вольт. Немыслимо производить опыты на любой «живой линии», питающей целые области и районы! Да и нет еще электропередач с напряжением в 400.000 вольт. А на этой модели можно изучать все важнейшие явления, какой угодно заданный процесс в грандиозной электросистеме.

Инженер А. МОРОЗОВ

С. ДМИТРИЕВ,
С. СТРУМИЛИН

Ценный труд по истории земледелия

Несколько лет назад в Академии наук СССР были начаты работы по изучению истории земледелия. Их зачинателем и организатором выступил академик Б. Д. Греков, возглавивший комиссию академии по истории земледелия. Он же является ответственным редактором первого сборника трудов этой комиссии *, недавно вышедшего в свет. Начато большое и трудное дело — создание истории земледелия СССР с древнейших времен до наших дней, от мотыги до тракторного плуга, от серпа до комбайна. Дело новое, проблема неизученная.

В буржуазной русской исторической науке было распространено мнение, будто бы в истории нашей страны даже до XV—XVI веков земледелие не было главной отраслью производства. Буржуазные историки утверждали, что древних наших предков кормили охота и торговля, а земледелие выдвинулось на первое место сравнительно недавно.

Исследования советских ученых показали полную несостоятельность подобных утверждений. Земледельческая культура на территории СССР восходит к незапамятным, древнейшим временам. Предшественники и далекие предки большинства современных народов СССР искони были оседлыми земледельцами. Трипольская и скифская культуры, существовавшие задолго до нашей эры, были земледельческими культурами. Земледельческой была и культура древних славян. Однако изучение истории земледелия, бывшего в течение многих веков главной отраслью производства в нашей стране, только теперь начинается.

Чтобы составить историю земледелия, необходимо сначала собрать материал, разработать и осветить развитие земледелия в разных краях нашей большой Родины, у ее отдельных народов. Четырнадцать статей сборника — отчет о первом этапе этой работы.

Первые пять статей посвящены древнейшим временам. В них рассмотрены вопросы развития и смены систем земледелия от времени его возникновения на территории СССР до первого тысячелетия нашей эры (В. Слободин); земледелие скифских племен Поднепровья в VI—II веках до нашей эры, «в эпоху раннего железа» (П. Либеров); античное земледелие в Северном Причерноморье (В. Блаватский); развитие земледелия на северо-западном Кавказе с древнейших времен до середины XVIII в. (Л. Лавров); наконец, одна из статей освещает проблемы истории земледелия у восточных славян в первом тысячелетии нашей эры и в эпоху Киевской Руси (В. Довженок). В основе этих статей лежат данные археологии. Сопровождаемые свидетельствами письменных источников, они показывают вековечную давность земледелия в европейской части СССР. Особенно полно и обстоятельно охарактеризовано определяющее значение земледелия у восточных славян — предков русского, украинского и белорусского народов — в статье В. Довженка. Показывая, что в хозяйстве восточных славян земледелие занимало определяющее место, автор еще раз подтверждает несостоятельность «норманской теории» образования Киевского государства. Отнюдь не вмешательство варяжских завоевателей привело к его возникновению, не они обеспечили расцвет культуры Киевской Руси. Трудовые усилия восточных славян, прогресс их земледелия вызвали к жизни феодальные отношения и в конечном итоге привели к образованию Киевского государства. Феодальная собственность на землю, а не вооруженное насилие завоевателей («внеэкономическое принуждение»), была основой политического господства социальной верхушки над массами населения Киевской Руси. Уже к XI в. в Киевской Руси получили распространение усовершенствованный плуг и трехпольная система земледелия. Они послужили технико-экономической основой развития вотчинного хозяйства.

Следующие четыре статьи книги посвящены истории земледелия в Сибири, прежде всего русского земледелия. В статьях интересно показано значение «опыта» в сельском хозяйстве Сибири XVII века (В. Шунков), развитие русского земледелия в Томском уезде в XVII в. (З. Бояршинова), земледелие Северного Предбайкалья в XVII—XVIII веках (В. Шерстобоев), земледелие у тувинцев в XIX—начале XX века (В. Дулов). Свидетельства богатейших письменных источников дали обильный материал для этих статей. Замечательно выпукло и ярко отражена в них великая трудовая деятельность русского крестьянина в Сибири. Именно эта деятельность обеспечила необычайно сжатые сроки (примерно с конца XVI до 40-х годов XVII века), которые понадобились для земледельческого освоения огромных пространств от Тюмени, Верхотурья, Туринска и Тобольска до Якутска. Русские крестьяне принесли в Сибирь традиции русской земледельческой культуры, свои многовековые трудовые и агротехнические навыки. Хорошо показан в этих статьях длительный и упорный труд русских крестьян-земледельцев и служилых людей по выявлению природных богатств Сибири. Русские земледельцы впервые стали осваивать земельные площади, пригодные для сельского хозяйства, на опыте проверяя возможность выращивания на новых «землицах» хлебных злаков, привычных для русского земледельца.

Упорный труд крестьянина, его пристальные, умные наблюдения в новом крае позволили создать достаточно совершенную в условиях XVII—XVIII веков сибирскую народную агротехнику. Важна и верна мысль одной из статей: «Утверждение русской государственности в Ангаро-Илимо-Ленском крае и на крайнем северо-востоке континента явилось следствием не столько военных мероприятий воевод, сколько мирной трудовой героики пашенных крестьян». Материалы сборника показывают, что это утверждение справедливо для всей Сибири, от Урала до Тихого океана. Велика историческая роль русских переселенцев-крестьян в освоении сибирской земли, в подъеме и приобщении к земледелию, к труду, к культуре якутов, тувинцев, сибирских татар и других народов.

Две статьи (авторы Д. Похилевич и А. Баранович) касаются истории землеустройства и помещичьего хозяйства в Белоруссии, Литве и на Украине в XVI—XVIII веках. Убедительно показаны в этих статьях потребительско-феодальный характер фольварочного (помещичьего) хозяйства и глубокая ошибочность утверждений старой польской историографии о развитии капиталистического производства в фольварке (поместье) Волыни XVIII века.

Вопросам истории сельскохозяйственной экономики Центральной России в русской общественно-научной мысли XVIII в. посвящены три заключительные статьи сборника (Б. Кафенгауза о хлебном рынке 20—30-х годов XVIII в., П. Алефиренко о русской общественной мысли первой половины XVIII в. по вопросам сельского хозяйства, К. Сивкова об освещении вопросов сельского хозяйства в русских журналах конца XVIII века).

Следует пожелать, чтобы в дальнейших сборниках по истории земледелия систематически появлялись статьи-обзоры по специальной русской сельскохозяйственной журналистике, ибо без изучения развития общественно-научной мысли по вопросам сельского хозяйства немыслимо создание обобщающего труда по истории земледелия СССР. Такое изучение нужно начать с глубокого анализа взглядов отдельных деятелей и передовых мыслителей. Время больших обобщений наступит, как нам кажется, после известных достижений в таком анализе. Это следует напомнить в связи с появлением в статье П. Алефиренко, содержащей излишне беглый, к сожалению, обзор мнений некоторых представителей русской общественной мысли XVIII века о сельском хозяйстве, преждевременных и вряд ли прочных (ввиду недостаточной изученности) обобщений. Нельзя, например, пытаться на основе восьми инструкций об организации крупных помещичьих хозяйств и по управлению дворцовыми волостями устанавливать «общие черты состояния и направления дальнейшего развития сельского хозяйства России в первую половину XVIII в.». Ошибочно утверждать (без всяких доказательств к тому же), будто бы уже в первой половине XVIII в. «наблюдалось весьма заметно расслоение среди крепостного крестьянства». Необоснованным осталось положение о Ломоносове, как представителе крестьянства в русской общественной мысли по вопросам сельского хозяйства.

В сборнике есть и другие недостатки. Он излишне пестр по содержанию. Следует пожелать, чтобы последующие сборники были более цельными тематически. Хотелось бы, чтобы материалы сборника быстрее и смелее приближались к современности. Первый сборник трактует вопросы истории земледелия в очень далекие времена. Только одна небольшая статья (о земледелии тувинцев) доведена до начала нашего века. Но она, к сожалению, имеет слишком беглый характер.

Нужно решительно предупредить против имеющегося в ряде статей противопоставления земледелия скотоводству. В истории сельскохозяйственного производства, начиная с самых ранних сколько-нибудь значительных его успехов, земледелие и скотоводство развивались в неразрывной связи. Нельзя создавать в отдельности историю земледелия и историю скотоводства. В течение тысячелетий земледелие и скотоводство были двумя главными сторонами единого сельскохозяйственного производства. Будем надеяться, что история скотоводства найдет себе место в последующих сборниках.

Следует пожелать, чтобы очередные сборники не заставили себя долго ждать.

* Материалы по истории земледелия СССР. Академия наук СССР. Институт истории. М. 1952 г. 632 стр.

Вл. БАСКАКОВ

ГРОЗНЫЙ СМЕХ

Сатира Маяковского и традиции Щедрина

1. «Грозный смех» — так говорил Маяковский о своих сатирических произведениях. Это действительно грозный смех, беспощадно разящий все косное, обветшалое, все то, что осталось от старого мира и путается в ногах у народа, идущего к коммунизму. Сатира Маяковского по своему существу — сатира новаторская. И здесь поэт проявил себя как художник, прокладывающий новые пути в литературе. Но творчество Маяковского развивалось не на голом месте. Как и всякий подлинный новатор, он продолжал в новых, советских условиях лучшие традиции русской классической литературы, обогащал их, развивал, совершенствовал. Поэтому Маяковский-сатирик не мог пройти мимо богатейшего творческого опыта Гоголя и Щедрина.

Правда жизни и величайшая творческая смелость — вот что отличает творчество классиков русской сатиры XIX века. Гениальная сатира Гоголя получила свое продолжение и дальнейшее развитие в творчестве великого революционера-демократа Щедрина, который, опираясь на наследие Гоголя, прокладывал в литературе новые, неизведанные пути.

Такова и природа новаторства Маяковского:

— Поэзия
— вся!—
езда в незнаемое.

Он хорошо знал, что сатира—это такой вид литературы, который открывает для художников широчайший простор — твори, выдумывай, пробуй! И Маяковский учился у Щедрина той творческой смелости, что придает сатирическому произведению убедительность, помогает создать типы, в которых с наибольшей полнотой и заостренностью показана сущность данной социальной силы.

Конечно, цель сатирических произведений зрелого Маяковского была иной, нежели у Щедрина. Сатира советского поэта, выжигая все омертвевшее, косное, враждебное нам и нашему строю, укрепляла социалистическое государство. Сатира Щедрина расшатывала устои дворянско-буржуазной империи. Это — важное различие. И все же сатира Щедрина близка по своему духу сатире Маяковского. Ведь Щедрин оценивает правящие классы с позиций народа. Народ незримо присутствует во всех его произведениях. Подлинная жизнь — это жизнь народа. Жизнь правящих классов — пародия на жизнь. Народ задавлен, угнетен, но именно ему — это твердо знает сатирик — принадлежит будущее.

Маяковский в своих сатирических стихах выступает от имени победившего народа, народа, сбросившего вековые цепи. Поэтому он показывает, что вокруг отрицательных типов кипит подлинная, настоящая жизнь, враждебная капиталистическому строю и его пережиткам.

Маяковскому была близка и дорога сатира Щедрина, сатира политическая. Ни один из писателей прошлого не разрабатывал проблемы, темы, типы политической жизни с такой глубиной и дальновидностью, как это делал Щедрин. Он был сильным и страстным в своих симпатиях и антипатиях. Его слово было гневным словом, его смех был грозным смехом.

«Писатель, сердце которого не переболело всеми видами боли того общества, в котором он действует, едва ли может претендовать в литературе на значение выше посредственного и очень скоро преходящего». Под этими словами Щедрина мог бы смело поставить свою подпись и великий поэт социалистической эпохи.

2. Свое отношение к задачам сатирика Маяковский четко выразил в стихотворении «Мрачное о юмористах». Здесь он прямо указал на плодотворность щедринских традиций, выступил в защиту грозного, разящего смеха, против мелких потуг иных литераторов-юмористов.

Где вы,
бодрые задиры?
Крыть бы розгой!
Взять в слезу бы!
До чего же
наш сатирик
измельчал
и обеззубел!

Маяковский хотел видеть произведения, в которых со щедринской силой обличалось бы все то, что мешает нам двигаться вперед. «Мало, што ли, помпадуров?»—восклицает он, указывая на бессмертные образы Щедрина, как на пример для современного сатирика. Стихотворение «Мрачное о юмористах» воюет за подлинную щедринскую сатиру, против пошлого юмора зощенковского типа. Маяковскому претили те литераторы, которые скользили по поверхности жизни, подбирали курьезные фактики, пошленькие анекдоты и тешили ими невзыскательные вкусы мещанского читателя.

Еще Щедрин, указывая на истинные задачи сатирика, высмеивал тех критиков и литераторов, которые пытались заставить сатирика замечать лишь отдельные факты, но не обобщать, не типизировать их, не делать из них выводов. «...Они требуют, чтоб сатирик вел нечто вроде дневника происшествий: «такого-то, дескать, числа утром (допускается описание утра) коллежский регистратор Псевдонимов (допускается описание отвратительной его наружности) украл с лотка булку».

Щедрин умел вгрызаться в глубь жизни, умел срывать маски с представителей правящих классов. «Еще Некрасов и Салтыков, — писал В. И. Ленин, — учили русское общество различать под приглаженной и напомаженной внешностью образованности крепостника-помещика его хищные интересы, учили ненавидеть лицемерие и бездушие подобных типов...»

Вот этому умению проникать в глубь явлений, раскрывать в типических образах сущность социальной силы учился Маяковский у Щедрина. Творческий опыт великого русского сатирика помог поэту с огромной выразительностью показать в своих заграничных стихах кричащие социальные противоречия, создать образ буржуазного обывателя с его мещанскими интересами, с его неудержным стремлением к обману и наживе. Маяковский создает яркие сатирические образы фальшивых людей, последышей буржуазного мира, еще живущих в нашей стране,—подхалимов, ротозеев, двурушников, перестраховщиков, карьеристов.

«Трус», «Служака», «Помпадур», «Столп», «Зевс-опровержец», «Сплетник», «Галопщик по писателям», «Смена убеждений» — все эти и многие другие стихи Маяковского, ставшие образцом современной сатиры, показывают плодотворность учебы у Щедрина. Причем во многих этих стихах поэт переосмысляет и сами образы великого русского сатирика — «Столп», «Помпадур». Так поступал и сам Щедрин. Он по-своему переосмыслял, ставил в новые исторические рамки героев Фонвизина, Грибоедова, Гоголя.

Маяковский в своих сатирических стихах явился прозорливым художником, умеющим распознать фальшивого человека, как бы он ни маскировался, кем бы он ни прикидывался. Как художник, владеющий методом социалистического реализма, он в частном всегда видит общее, раскрывает закономерность в развитии явлений, открыто и последовательно отстаивает свои взгляды. Поэтому, рисуя с бытовой точностью современного помпадура, едущего отдыхать на воды, он выявляет в этом образе всю суть отвратительных черт помпадурства, оставшихся у иных людей и в наши дни. Поэтому, изображая в стихотворении «Столп» некоего товарища Попова, который «чуть-чуть не от плуга. Чуть не от станка и сохи», передавая его нехитрые рассуждения о недопустимости критики снизу, Маяковский с гневом обрушивается на тех, кто боится критики, не понимает ее величайшего значения.

От лица всего нашего общества поэт говорит:

Мы всех зовем,
чтоб в лоб,
а не пятясь,
критика
дрянь
косила, —
и это
лучшее из доказательств
нашей
чистоты и силы.

Такой четкий и ясный вывод, венчающий стихотворение, — новое в сатире; этого не знала и не могла знать старая литература. Только художник, творящий в нашу советскую эпоху, мог противопоставить «дряни», «столпам» старого мира — нашу силу и чистоту, торжествующую правду новой жизни.

3. Глуповский градоначальник Дементий Варламович Брудастый, имевший «в голове некоторое особливое устройство» — органчик, играющий несложную мелодию: «Раззорю!», «Не потерплю!»; бывший тапер публичного дома, ставший редактором буржуазной газеты, господин Очищенный, на лбу у которого можно явственно заметить таксу стоимости каждой его подлости; два генерала, попавшие на необитаемый остров из своих квартир на Подьяческой; некий ретивый начальник, стремящийся «как можно больше вреда делать, а уж из сего само собой, впоследствии, польза произойдет»,—все эти и многие другие щедринские типы, да и обстоятельства, при которых они действуют, кажутся внешне неправдоподобными. Но за этой внешней неправдоподобностью — большая жизненная правда. Ибо созданные фантазией художника типы «Органчика» из «Истории одного города» или «Ретивого начальника» из «Современной идиллии» с огромной полнотой и заостренностью выразили существенные черты самодержавия и крепостничества. Концентрация и преувеличение, излюбленные приемы щедринской сатиры, приемы, унаследованные от Гоголя, помогли художнику создать типические образы царских бюрократов.

Маяковский в своем сатирическом творчестве часто пользуется испытанными приемами концентрации, преувеличения отдельных черт действительности, чтобы ярче выявить сущность явления. Вспомним хотя бы стихотворение «Прозаседавшиеся», которое так высоко оценил В. И. Ленин. Это стихотворение не было бы таким убедительным и ярким, если бы поэт не применил здесь метода художественной гиперболизации. Он как бы вещественно раскрывает слово «разорваться», выделяя его из обычного разговорного выражения: «не могу же я на части разорваться». Отсюда возникает фантастическая картина — в кабинете заседают лишь половины людей. И мы понимаем: в этой внешне неправдоподобной картине — большая жизненная правда. Это—вытащенный на суд общественности, увеличенный писательской лупой бюрократизм. Метод сознательного сатирического преувеличения отдельных черт действительности помог Маяковскому высмеять увлечение бесплодными заседаниями.

Маяковскому нужны преувеличение и фантастика не как самоцель, а как средство для достижения цели. Ведь и Щедрин наделил своего градоначальника органчиком вместо головы не ради курьеза. Он этим убедительно показал, что и настоящие царские администраторы, имеющие самую обыкновенную голову, руководствовались той же нехитрой мелодией: «Не потерплю!».

Маяковский, как и Щедрин, прибегая к сознательному преувеличению отдельных черт, всегда оставался верен жизненной правде.

В стихотворении «Подлиза» поэт, как бы раскрывая самую суть заголовка, изображает не столько человека, сколько его язык: «А язык на метров тридцать догонять начальство вылез».

В стихотворении «Бумажные ужасы», обличая любителей канцелярской волокиты, Маяковский создает фантастическую картину:

...будет
за столом
бумага
пить чай,
человечек
под столом
валяться скомканным.

Все эти фантастические детали помогают художнику правдиво и метко изобразить отрицательные явления действительности. И не случайно поэт, указывая на сущность театрального искусства, говорил, что оно «не отображающее зеркало, а — увеличивающее стекло». «Взяли б в лапы лупы вы», — советовал Маяковский современным сатирикам.

Фантастика сатирических стихов Маяковского, фантастика «Мистерии-буфф», «Клопа» и «Бани» сродни реалистической фантастике Щедрина. Один из щедринских героев, некий прокурор, имел два ока — одно дреманное, другое—недреманное, один из глуповских градоначальников оказался с фаршированной головой, но все эти фантастические детали нисколько не снижали реалистической направленности щедринских произведений. Наоборот, они делали эти произведения еще более верными жизненной правде.

Герой пьесы Маяковского «Баня»—главначпупс Победоносиков смотрит спектакль, где действует он же, Победоносиков. Естественно, он протестует против такого разоблачения своей собственной сущности:

«Сгущено все это, ' в жизни так не бывает... Ну, скажем, этот Победоносиков. Неудобно все-таки... Изображен, судя по всему, ответственный товарищ, и как-то его выставили в таком свете и назвали еще как-то «главначпупс». Не бывает у нас таких, ненатурально, нежизненно, непохоже! Это надо переделать, смягчить, опоэтизировать, округлить...»

Эта тирада Победоносикова заставляет вспомнить тех критиков, которые, не понимая самой природы реалистической сатиры, боялись сгущения красок, преувеличения образа и испуганно повторяли: «Сгущено все это, в жизни так не бывает...»

4. Для творчества Щедрина характерно жанровое многообразие. В «Современной идиллии» или «За рубежом» мы найдем черты и романа, и пьесы, и философского трактата, и газетного фельетона, и сказки, и памфлета, и пародии. Умение свободно владеть различными жанрами, незаметно переходить от одного жанра к другому необычайно обогащает вооружение сатирика. Это хорошо понимал и Маяковский, который стремился использовать различные виды оружия грозного смеха. Даже в таком монументальном, эпическом произведении, как поэма «Хорошо!», мы найдем элементы и памфлета, и пародии, и сатирического диалога. Причем здесь Маяковский пользуется излюбленным щедринским приемом «самораскрытия» героя.

В сатирических хрониках Щедрина авторское «я» очень своеобразно. Это, как правило, не автор, не М. Е. Салтыков-Щедрин, а один из сатирических персонажей. В «Современной идиллии» — это либерал-приспособленец, запуганный реакцией. Самораскрытие этого сатирического персонажа — один из художественных приемов Щедрина.

В самом начале поэмы «Хорошо!» дан сатирический образ марионетки Керенского:

Аграрные?
Беспорядки?
Ряд?
Пошлите
этот,
как его,—
карательный
отряд!

В этом монологе — весь Керенский.

И еще одна черта щедринской сатиры, которая оказалась плодотворной для Маяковского. Те конкретные исторические персонажи, которых нередко выводит в своих произведениях сатирик, обычно не имеют частного иллюстративного значения. Когда сатирик называет, скажем, имена Каткова или Цитовича, он делает это не только для того, чтобы разоблачить писания именно этих реакционных публицистов. Нет, этим он стремится рельефнее показать суть буржуазной публицистики, действующей «применительно к подлости». У него мы встречаем имя светского авантюриста Ландсберга. Под пером художника оно приобретает обобщенный смысл. «И в то время,—писал Щедрин,— как суд карает одного Ландсберга, литература прозревает мириады Ландсбергов...»

Этим художественным методом умело пользуется Маяковский. И в его стихах многие конкретные имена приобретают общий смысл. Вильсон из «150.000.000» — это не только историческое лицо, президент США. В этом образе воплощено все хищническое, все мерзкое, что есть в империализме. Бальмонт или Северянин в ряде стихов поэта выступают не только как конкретные представители декадентской поэзии, а, главным образом, как выражение существа самого декадентства.

В статьях и книгах о Маяковском много говорилось о словотворчестве поэта. Однако почему-то редко указывалось, что и в своем словотворчестве Маяковский опирался на опыт русской классической литературы. Язык обогащали и Пушкин, и Гоголь, и Некрасов, и Щедрин, и Горький. Надо учесть, что великие художники нередко употребляли новое слово, как меткое определение, нужное именно в этом произведении и, может быть, совсем ненужное в другом. Щедрин стремился, главным образом, к тому, чтобы с предельной точностью и большой сатирической силой заклеймить определенные явления жизни. Он не ставил перед собой задачи ввести новое слово в обиход. Думается, что именно такой стилистический характер имеют и многие неологизмы Маяковского. Поэтому, когда он писал: «в тугой полицейской словности», то он думал о том, как лучше всего определить полицейскую «вежливость», а не о том, чтобы новое слово внедрить в язык.

Правда (и это тоже не следует забывать), многие из таких слов, «изобретенных» великими писателями, прочно вошли в словарный состав языка (щедринские — головотяп, помпадурша, пенкосниматель, у Маяковского — прозаседавшиеся).

Маяковский-сатирик умело пользовался богатством русского языка. В сатирических целях он нередко прибегал к реализации метафор, пословиц, крылатых слов: «Если зуб на кого—отнилим зуб», добивался предельной смысловой насыщенности слова, умел делать отвлеченное понятие конкретным и жизненным. И в этих своих творческих поисках он опирался на великие традиции русской литературы, сатирические традиции Гоголя и Щедрина. Щедрин, например, очень часто, наполняя совершенно новым, особым содержанием известные словосочетания или крылатые выражения, придавал им политический смысл. Его рассуждения о выражениях: «Выше лба уши не растут», «Куда Макар телят не гонял» показывают, какого огромного сатирического эффекта может добиться художник, обладающий творческой смелостью и отличным знанием возможностей русского языка.

5. «Улица ликует, дома терпимости прихорашиваются, половые и гарсоны в трактирах и ресторанах в ожидании млеют, даже стерляди в трактирных бассейнах — и те резвее играют в воде, словно говорят: слава богу! кажется, скоро начнут есть и нас! По всей веселой Руси, от Мещанских до Кунавина включительно, раздается один клич: идет чумазый! Идет и на вопрос: что есть истина? твердо и неукоснительно ответит: распивочно и на вынос!»

Так образно, с большой сатирической силой описал Щедрин буйное развитие русского капитализма.

Сатирические образы столпов буржуазного мира, созданные Щедриным, обладают большой художественной силой. Их значение непреходяще. Эти образы не могли не оказать своего воздействия на сатирические памфлеты Горького, на стихи Маяковского о буржуазном Западе.

Великие писатели социалистической эпохи увидели в буржуазном мире то, чего не мог увидеть Щедрин. Но они продолжали, обогащали и развивали традиции Щедрина. Поэтому, когда читаешь у Щедрина меткое определение оппортунизма: «Осторожнее! Не спешите! Отступайте! Заманивайте! Не раздражайте!», то невольно на память приходит яркая фигура соглашателя из «Мистерии-буфф». Поэтому, когда находишь в очерках «За рубежом» характеристику растленной буржуазной литературы, буржуазного искусства, невольно вспоминаешь строки Маяковского о капиталисте-хищнике:

И краске,
и песне
душа глуха,
как корове
цветы
среди луга.
Этика, эстетика
и прочая чепуха —
просто —
его
женская прислуга.

Поэтому, когда встречаешь у Щедрина характеристику мещанской философии немецкого «мальчика в штанах», невольно на память приходят стихи великого поэта революции, показавшего истинную суть современного буржуазного обывателя.

Отмечая бесспорное родство двух великих сатириков, мы ясно ощущаем и то новое, что внес в сатирическое искусство Маяковский. Гнев поэта к миру капитализма, к буржуазной морали — это гнев гражданина великой Советской страны, представителя народа, строящего коммунизм. Поэтому и соглашатель из «Мистерии-буфф» и «портрет родовой» капитализма несут новые исторически-конкретные черты. Всей образной системой своих стихов Маяковский показывает обреченность капиталистического мира, его неминуемую гибель. Ничтожными и жалкими кажутся представители буржуазии, их последыши на фоне нашей здоровой, неодолимо развивающейся жизни, на фоне великих свершений советского народа. Для Маяковского характерен естественный, свободный переход от картин сатирических к картинам, рисующим нашу советскую действительность. Образ передового советского человека — главенствующий образ во всех произведениях поэта. И не случайно цикл заграничных стихов Маяковского идейно и композиционно завершается «Стихами о советском паспорте».

Заграничные стихи Маяковского — это новый крупный шаг вперед в мировой сатирической литературе. Они создали плодотворную традицию, на которую опираются поэты нашей страны и многие поэты зарубежных стран.

Прокладывая новые пути, советские писатели опираются на богатый опыт всей прогрессивной русской литературы. Достижения классической литературы, и, в частности, революционно-демократической сатиры, помогали формированию боевой поэзии Маяковского. Используя плодотворные стороны творчества Щедрина, развивая традиции великого сатирика, Маяковский выжигал оружием гневного слова, грозного смеха все, что мешает нам двигаться вперед.

СЛОВО О ВЕЛИКОЙ ДРУЖБЕ

(СУДЬБА ОДНОЙ ПОЭМЫ)

Советский народ отмечает семидесятипятилетие со дня смерти выдающегося азербайджанского мыслителя, писателя и просветителя Мирза Фатали Ахундова.

Великий сын азербайджанского народа, М. Ф. Ахундов был другом и учеником передовых людей России. Последователь и сподвижник русских революционных демократов, он говорил, что все свои силы отдает служению народу.

Известная поэма «На смерть А. С. Пушкина», написанная Ахундовым в самом начале творческого пути, раскрывает нам мир идей и чувств большого поэта.

Поэма выражает великую скорбь о Пушкине, «главе мастеров слова». Но она примечательна не только своим проникновенным выражением скорби. Этот поэтический образный текст имеет глубокое политическое содержание. В поэме выражена ненависть к тирании, угнетению. В ней воплощена мысль о великой роли русского народа в судьбах народов Кавказа, народов мира.

Поэма написана спустя десятилетие после того, как все Закавказье было присоединено к России и судьбы его народов слились с судьбами русского народа.

Ахундов неизменно подчеркивал животворное значение присоединения Кавказа к России.

Поэма «На смерть А. С. Пушкина» начинается разговором поэта со своим сердцем:

«...Наступила весна, и все растения красуются юною прелестью, словно девы!.. Степь изукрашена, как невеста... Все теперь наслаждается и веселится...»

Дальше поэт делает резкий переход, восклицая:

«Все, кроме тебя, мое сердце! Не участник ты в общей радости и восторге... Откуда же теперь печаль твоя?..

Отвечало на это сердце:

...Разве ты, чуждый миру, не слыхал о Пушкине...»

В лице Пушкина Ахундов видит духовную красоту и мощь русского народа.

Поэт как бы делает экскурс в историю культуры России. Он пишет:

«Ломоносов красотами гения украсил обитель поэзии — мечта Пушкина водворилась в ней. Державин завоевал державу поэзии — но властелином ее Пушкин был избран свыше. Карамзин наполнил чашу вином знания — Пушкин выпил вино этой полной чаши».

Молодой Ахундов был глубоким знатоком русской культуры, поэзии. Являясь одним из передовых людей своего времени, он понимал мировое значение русской прогрессивной общественной мысли. Говоря о Пушкине, как главе поэтов всей земли, он подчеркивает выдающуюся роль русской литературы, ибо в Пушкине — это явствует из поэмы — он видит воплощение передовой русской культуры.

Выражая чувства всех кавказских народов, Ахундов говорит, заканчивая поэму: «Седовласый старец Кавказ отвечает на песнопения твои стоном в стихах Сабухия» (так называл себя Ахундов).

Анализируя поэму Ахундова, нельзя забывать, что она создавалась в то время, когда всякое свободное слово жестоко каралось царскими сатрапами. Автор тщательно отделывал строки своей поэмы, добиваясь наивысшей художественной выразительности и четкости каждой мысли. В то же время он стремился не возбуждать подозрения властей. Вот почему Ахундов счел нужным придать своей поэме стиль «восточного стихосложения». Но это, как явствует из всего внутреннего строя произведения, было лишь своеобразной формой маскировки. По существу, уже в этом раннем своем произведении Ахундов ломает восточную архаику, выступает как большой художник, воплотивший в своем творении достижения азербайджанской поэзии, и вместе с тем как ученик передовой русской поэтической культуры.

Ахундов противопоставляет великий народ, породивший Пушкина, силам тирании, поработителям народа, убийцам поэта.

И неудивительно, что вокруг произведений Ахундова, в том числе его поэмы «На смерть А. С. Пушкина», в течение многих лет шла острая борьба между царскими чиновниками — цензорами и передовыми деятелями России. История этой борьбы помогает глубже понять значение поэмы. Не случайно рука цензуры касалась именно тех строк, в которых Ахундов, по сути, противопоставляет величие поэта самодержцу.

Мысль о **мировом** значении Пушкина цензура подменила словами о европейской известности поэта, зато к имени царя Николая добавлено слово «величие», отсутствовавшее в подлиннике поэмы.

У Ахундова сказано: «Русская земля стонет в трауре и скорби: **о, великая жертва безжалостных убийц-палачей!**». Подчеркнутые строки (как перекликаются они со знаменитым лермонтовским стихотворением «Смерть поэта») заменены простым восклицанием: **«О, жертва смерти!..»**.

С такими «поправками» поэма и появилась впервые в печати в 1837 году в журнале «Московский наблюдатель». Вторично поэма была напечатана спустя тридцать семь лет в журнале «Русская старина» в переводе А. А. Бестужева-Марлинского.

Перевод поэмы Ахундова был сделан Марлинским еще в мае 1837 года. Ахундова связывала с ссыльным декабристом горячая дружба. Бестужев с любовью перевел поэму своего азербайджанского друга. Отметим, что через несколько дней после этого Марлинский погиб в битве с шамилевскими бандами, у мыса Адлер...

Перевод Бестужева с тех пор прочно вошел во все издания произведений М. Ф. Ахундова. Он не только текстуально, но и по художественному звучанию, эмоциональной насыщенности наиболее близок к оригиналу. Хоть и «подправленные» цензурой, все же здесь сохранились слова Ахундова о злодейской руке убийцы.

Интересно отметить, что в подлиннике поэмы словам «о, великая жертва безжалостных убийц-палачей», в которых прямо говорится об убийцах Пушкина, предшествуют следующие логически их подготавливающие строки:

«Смертоносной стрелой они прицелились в него, перерезали артерию его жизни, пролили его кровь».

В напечатанном переводе мы читаем:

«Прицелились в него смертной стрелой. Исторгли корень его бытия».

Подлинник поэмы М. Ф. Ахундова считался утерянным. Лишь в 1936 году он был найден в архиве родственников поэта.

Следовало ожидать, что эта ценнейшая находка приведет к новому этапу, новым открытиям в ахундоведении. К сожалению, наши исследователи, говоря об истории поэмы «На смерть А. С. Пушкина», лишь повторяют высказывания востоковеда Ад. Берже, опубликованные в журнале «Русская старина» еще в 1874 г. Отсутствие глубокого анализа оригинала и сличения его с существующими печатными текстами поэмы на русском языке тормозит создание нового, полностью соответствующего оригиналу перевода. Может быть, не желая оскорбить память Бестужева-Марлинского, наши литературоведы не поднимали до сих пор вопроса о некоторых несоответствиях этого перевода подлиннику. Но ведь восстановление искаженных цензурой строк было бы и проявлением уважения к писателю, которому не суждено было увидеть свой перевод в печати.

Наряду с созданием новых переводов поэмы существует необходимость полностью восстановить подлинный текст не превзойденного пока перевода Бестужева.

Идейная направленность поэмы ясно говорит об идейно-политических убеждениях молодого Ахундова. Позже эти убеждения развились и упрочились.

«Десятки лет, как все пророки, ученые, поэты, — писал Ахундов, — желая устранить угнетение, полагают, что достаточно для этого ограничиться назиданиями и советами угнетателю... Но многократный опыт показал, что подобные попытки бесплодны и этим путем нельзя уничтожить угнетение на земле... Значит, для устранения угнетения не следует читать нравоучения угнетателю, а надо сказать угнетаемому, что почему же ты, во много раз превосходя в силе и способностях угнетателя, так терпеливо выносишь угнетение, проснись и опрокинь этого угнетателя».

Н. Г. Чернышевский, впервые познакомившись с произведениями Ахундова, предсказал ему большую будущность. Он не ошибся. Имя Ахундова, родоначальника азербайджанской прозы и драматургии, выдающегося философа-материалиста, является ныне гордостью не только азербайджанского, но и всех советских народов.

Активный поборник дружбы с великим русским народом, он и сам был обязан своим духовным развитием этой дружбе.

Замечательная поэма классика азербайджанской литературы Мирза Фатали Ахундова «На смерть А. С. Пушкина» — свидетельство давних традиций глубокой дружбы и любви народов России к старшему брату — великому русскому народу. Пройдя через горнило испытаний, эта дружба превратилась в нерушимое братство свободных народов, братство, вдохновленное и сцементированное на века гениями человечества Лениным и Сталиным.

Арам ГРИГОРЯН,
Зия БУНИЯТОВ

Памяти В. В. Маяковского

Сегодня отмечается 23-я годовщина со дня смерти В. В. Маяковского. В Москве эта дата ознаменована литературными вечерами и докладами, посвященными памяти лучшего, талантливейшего поэта нашей советской эпохи. Традиционный писательский вечер состоится сегодня в Большом зале Политехнического музея; он организован ССП СССР и Всесоюзным обществом по распространению политических и научных знаний.

Вечер памяти В. В. Маяковского устраивает завтра библиотека-музей, носящая имя поэта. Вечер будет посвящен поэмам «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо!»

Гослитиздат выпускает вскоре избранные произведения поэта в двух томах. В первом томе будут напечатаны стихи 1913—1930 гг. и очерки «Мое открытие Америки»; во втором — поэмы «Облако в штанах», «Война и мир», «150.000.000», «Владимир Ильич Ленин», «Во весь голос», «Хорошо!», пьесы: «Мистерия-буфф», «Баня» и статья «Как делать стихи?» Это издание рассчитано на широкий круг читателей. Статья «Как делать стихи?» включена в двухтомник с целью не только показать творческий путь поэта, но и раскрыть его собственными словами некоторые особенности мастерства.

Библиотекой-музеем В. В. Маяковского организованы три передвижные выставки, рассказывающие о жизни и творчестве великого поэта.

**

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). В. Маяковскому была посвящена очередная молодежная литературная суббота в Выборгском доме культуры. Доклад о жизни и творчестве поэта сделала почтальон Л. Морошкина. Учащийся 3-го ремесленного училища Н. Смирнов выступил с докладом «Маяковский об Америке». Участники работающей при Доме культуры группы художественного слова прочитали стихи великого поэта.

**

ВЛАДИВОСТОК. Далеко от родных берегов находится судно Дальневосточного пароходства «Владимир Маяковский». На судне стало традицией проводить в апреле «маяковские чтения» и литературные вечера, посвященные памяти поэта.

К 23-й годовщине со дня смерти В. Маяковского судовая библиотека подготовила выставки, рассказывающие о жизни и литературной деятельности поэта.

А. С. Яковлев

Умер Александр Степанович Яковлев, писатель большого таланта, автор десятков книг, из которых многие были написаны для детей.

А. С. Яковлев родился в 1886 году в семье маляра. С 15 лет он начал самостоятельную жизнь. Переменил несколько профессий, был журналистом. Великая Октябрьская революция, как он сам об этом писал, помогла ему стать писателем. Он написал около 40 книг, из которых наиболее известны: «Повольники», «Октябрь», «Без берегов», «Большая Волга», «Ступени», «Великие стройки коммунизма», книги для детей — «Сказки моей жизни», «Пионер Павлик Морозов», «Поход «Малыгина», пьеса «Павлик Морозов», идущая в ряде детских театров. Почти до последних дней своей жизни Яковлев работал над новым романом.

Человек разносторонних знаний, участник арктической экспедиции на «Малыгине», отличный знаток русского изобразительного искусства, неутомимый певец родной ему Волги, Яковлев был до чрезвычайности скромен и взыскателен к себе, как художник. Мы прощаемся с нашим большим другом. Образ Александра Степановича Яковлева, писателя, человека большой души, навсегда останется в нашей памяти.

Группа товарищей

Правление Союза советских писателей СССР выражает глубокое соболезнование К. А. Федину в связи с постигшим его тяжелым горем — кончиной жены Доры Сергеевны ФЕДИНОЙ.

К ПЕРЕГОВОРАМ В ПАНЬМЫНЬЧЖОНЕ

ПО СТРАНИЦАМ БУРЖУАЗНОЙ ПЕЧАТИ

В эти дни внимание всего человечества снова обращено к Паньмыньчжоню, где возобновились переговоры между корейско-китайской делегацией и представителями вооруженных сил ООН в Корее. Первый шаг к миру сделан — успешно разрешен вопрос об обмене больными и ранеными военнопленными.

Твердая основа для решения всей проблемы репатриации военнопленных, установления справедливого перемирия и прекращения войны в Корее создана предложениями, выработанными совместно правительствами Китая и Корейской Народно-Демократической Республики. Эти предложения, как известно из заявления Министра Иностранных Дел СССР В. М. Молотова, получили полную поддержку со стороны Советского правительства.

Вопрос о прекращении войны в Корее составляет сейчас главную тему всей мировой печати не только прогрессивной, но и буржуазной. Перелистывая газеты крупнейших капиталистических государств, видишь, что известные круги на Западе не оставляют попыток всячески осложнить корейский вопрос, чтобы затянуть войну в Корее.

И тем не менее значительное большинство высказываний буржуазной печати свидетельствует о том, что под давлением народных масс и на ее страницы пробивается голос разума и здравого смысла. В помещаемом здесь обзоре мировой буржуазной печати мы приводим без особых комментариев эти характерные высказывания.

Ряд буржуазных газет вынужден признать, что предложения правительств Китая и Кореи ликвидировали тупик в переговорах и могут служить надежной основой для заключения перемирия. Предложение Чжоу Энь-лая, заявляет, например, в редакционной статье американская газета «Вашингтон пост», «идет настолько далеко», насколько могут ждать Объединенные Нации».

Приветствуя прогресс, достигнутый в ходе переговоров в Паньмыньчжоне об обмене ранеными и больными военнопленными, орган английских лейбористов «Дейли геральд» заявляет: «Это хорошая новость со всех точек зрения». Лондонская «Таймс» в связи с этим пишет: «Самый обнадеживающий признак возобновившихся переговоров в Паньмыньчжоне заключается в том, что обе стороны согласились руководствоваться Женевской конвенцией от 1949 года о военнопленных». Австралийская газета «Эйдж», подчеркивая необходимость окончательного урегулирования корейского конфликта, высказывает следующее мнение: «Соглашение о военнопленных прежде всего приблизит перспективу прекращения военных действий в Корее. Кроме того, оно будет значительно содействовать созданию более благоприятной атмосферы для отношений между Востоком и Западом. На нынешнем этапе лучшим рецептом будет, видимо, рекомендовать осторожный оптимизм и искренний отклик на миролюбивые предложения с Востока».

В то же время ряд крупных буржуазных газет США настойчиво высказывает всяческие «опасения» и «сомнения». Это является отражением настроений тех групп монополистического капитала, которые связывали и связывают определенные расчеты с продолжением войны в Корее и пытаются помешать начавшимся переговорам в Паньмыньчжоне.

«Страх перед миром» — так характеризуют сами же американские буржуазные газеты волнение, которым охвачены в эти дни некоторые представители деловых кругов США. Их пугает, что установление мира в Корее и последующее ослабление напряженности в международных отношениях неблагоприятно скажутся на доходах. Весьма показательна в этом отношении реакция нью-йоркской фондовой биржи. 30 марта, тотчас же после получения сообщений о заявлении Чжоу Энь-лая, на бирже началось резкое падение курса акций, которое продолжалось и в последующие дни. Снизились курсы акций также на биржах Лондона и Токио.

«Вчера на фондовой бирже, — писала 7 апреля газета «Нью-Йорк геральд трибюн», — произошло самое резкое падение цен за два с лишним года... Больше всего было продано акций предприятий, работающих на войну, в том числе акции железнодорожных, нефтяных, самолетостроительных предприятий и предприятий черной и цветной металлургии... Падение курса акций было самым сильным с начала войны в Корее».

Американские газеты помещают высказывания представителей деловых кругов, обеспокоенных возможными последствиями перемирия в Корее. «Уолл-стрит джорнэл» приводит, например, заявление председателя совета директоров крупной нефтяной монополии «Стандард ойл компани оф Калифорния» Фоллиса. Выступая на собрании бизнесменов в Нью-Йорке, он утверждал, что если произойдет разрядка международных отношений, то «влияние на всю нефтяную промышленность и всю экономику будет ужасным».

Журнал «Бизнес уик», рупор финансового капитала, откровенно пишет: «Дело не в том, что предвидится окончание холодной войны, но все же перемирие в Корее изменило бы международную перспективу и, вероятно, также и перспективу деловой активности в США. Давление в пользу вооружения как здесь, так и в Европе ослабло бы. Конгресс США, несомненно, пожелает урезать военные расходы и расходы на помощь другим государствам. А если это случится, тогда перспективу деловой активности США во второй половине 1953 года пришлось бы пересмотреть».

Отражая подобные настроения деловых кругов, обозреватель «Нью-Йорк таймс» по экономическим вопросам Бэлэйр заявляет, что «если мир в Корее приведет к существенному сокращению издержек на оборону в этом году и к дальнейшему резкому сокращению расходов в будущем году, то в экономике могут возникнуть затруднения». Крупнейший орган монополий — журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», предупреждая, что экономическая активность в США «скоро начнет сокращаться», даже если война в Корее будет продолжаться, предсказывает: «сдвиг будет еще более ощутимым, если война кончится... доходы могут упасть...»

Военный обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» Хэнсон Болдуин в статье, выражающей, по его словам, точку зрения, распространенную в военных кругах, пишет об опасениях этих кругов, как бы ликвидация корейского конфликта не привела бы к тому, что «в Европе, где судьба проектируемой европейской армии и будущего германского перевооружения уже стоит под вопросом, вся структура «великого союза» может оказаться поколебленной».

Некоторые американские газеты, понимая, какое впечатление произведут на мировое общественное мнение такого рода высказывания представителей деловых и военных кругов США, выступают с весьма характерными заявлениями.

«Ничто не могло бы нанести большего ущерба международной репутации Америки,— пишет, например, в редакционной статье газета «Нью-Йорк пост»,— чем эти намеки на то, что перспектива мира в Корее и некоторые признаки всемирной стабилизации вызвали смертельный испуг в США. Если влиятельные американцы поддадутся такому настроению, что всякое смягчение напряженности в международных отношениях означает своего рода страшный приговор судьбы, то мы явим собой неприглядное зрелище в глазах уставшего от войны мира».

Упомянутая выше «Уолл-стрит джорнэл» пишет в том же духе: «Война — это ужасная вещь, но мы находим более ужасным тот факт, что некоторые люди говорят о мире так, как если бы он был ужасным делом».

Нельзя не обратить внимания на появившиеся в последние дни сообщения вашингтонских корреспондентов ряда американских газет о том, что представители США в Корее получили инструкции связать корейский вопрос с другими, совершенно не относящимися к нему проблемами. Так, например, корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» Левьеро передал 9 апреля из Вашингтона, что Соединенные Штаты будут якобы придерживаться «позиции, заключающейся в том, что войны в Корее и Индо-Китае являются частью одного конфликта и должны быть урегулированы вместе». «Нью-Йорк таймс», как, впрочем, и «Уолл-стрит джорнэл» и некоторые другие газеты, сообщила также, что будут сделаны попытки отодвинуть границы Южной Кореи несколько к северу. Тот же Левьеро писал, что американская сторона согласится на урегулирование в Корее лишь при условии, если граница будет проходить по «узкому перешейку» полуострова примерно на 90 миль севернее нынешней линии фронта.

Ясно, что подобные нелепые требования направлены на то, чтобы всячески осложнить корейский вопрос и затянуть войну в Корее. Ни явные, ни скрытые противники прекращения войны в Корее не смогут погреть руки, сколько бы они ни пытались бросать палки в колеса начавшихся переговоров в Паньмыньчжоне. Эти попытки обречены на полный провал. Они уже вызвали, как свидетельствует корреспондент «Нью-Йорк таймс» Рестон, тревогу у «некоторых западных союзников» США, которые опасаются, что «это помешает переговорам о перемирии и поставит под угрозу возможность политического урегулирования в Корее».

Газета «Вашингтон пост» высмеивает нелепые требования относительно границы Южной Кореи. «Может быть,— пишет газета,— на новой линии настаивают для того, чтобы поторговаться, но в таком случае США легко можно будет обвинить в том, что они не желают урегулирования».

Буржуазная пресса признает, что широкие массы американского народа горячо приветствуют мирную инициативу Китая и Кореи, которая дает возможность положить конец войне. Такое признание делает, например, обозреватель газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» Миллис. Он говорит о неуместности «нервной реакции» правящих кругов Запада на новые предложения, открывающие путь к перемирию в Корее, в тот момент, когда «возможность установления мира была встречена с таким энтузиазмом».

Прекрасным дополнением к этому признанию буржуазного обозревателя могут служить сообщения о том, как восприняли весть о возможности установления мира находящиеся в Корее американские войска. В телеграмме агентства Юнайтед Пресс из Сеула говорится, что, например, ефрейтор Пэррол сказал: «Когда мы узнали о заявлении Чжоу Энь-лая, все просто подпрыгнули от радости». Другой американский солдат выразил надежду, что теперь война, наверное, кончится. «Ежедневно гибнут люди, — заявил он, — а война, которую мы ведем, не стоит этого».

Корреспондент агентства Интернейшнл Ньюс Сервис, указывая, что американские солдаты и офицеры устали от этой войны, приводит слова ефрейтора Джеймса Малоя: «Может быть, мы еще выйдем живыми из этой истории. Ничто так не обрадует меня, как прекращение войны». Раненый лейтенант 32-го полка сказал корреспонденту: «Я думаю, настала пора для наших соотечественников на родине понять, что мы здесь отнюдь не занимаемся учениями. Я приветствую все, что может положить конец гибели людей».

Новые шаги китайской и корейской стороны, открывшие возможность достичь перемирия и прекратить войну в Корее, с глубоким удовлетворением встречены во всех районах мира. Общественное мнение стран Юго-Восточной Азии и Тихого океана единодушно одобряет возобновление переговоров в Паньмыньчжоне. Газета «Таймс оф Индиа» в статье, озаглавленной «Новая надежда на мир», пишет: «Основная цель должна состоять в том, чтобы положить конец ужасным страданиям в Корее, смерти, лишениям и разрушениям. Есть возможность для достижения компромисса между обеими сторонами. Новая уступка Китая должна расчистить путь для новых попыток установить мир».

Индийская газета «Нейшнл геральд» приветствует заявление В. М. Молотова и критикует «недоверие», демонстративно проявляемое некоторыми кругами западных держав. «Нейшнл геральд» подчеркивает, что «неспособность чистосердечно извлечь пользу из советских предложений, направленных к установлению мира, является результатом военных настроений, которые сохраняются на Западе». Другая индийская газета «Амрита базар патрика» отмечает, что политика Советского Союза, поддержавшего миролюбивые предложения Китая и Кореи, «определенно доказывает его стремление к установлению международного мира путем разрешения тупика, который существовал в течение столь долгого времени». Газета выражает надежду, что правящие круги Соединенных Штатов предпримут со своей стороны шаги в этом же направлении и согласятся «на принятие в члены ООН Китая и Северной Кореи».

Широкий сочувственный отклик нашло заявление Чжоу Энь-лая в печати и общественном мнении Индонезии. Газета «Мембар Индонезия» пишет: «Предложение Китайской Народной Республики будет тепло встречено всеми, кто стремится к миру. Корейская проблема, которая существует уже в течение нескольких лет и в результате которой унесены тысячи человеческих жизней, разрушены города и села Северной и Южной Кореи, наконец, может быть разрешена». Индонезийский еженедельник на английском языке «Санди курьер», подчеркивая мирные устремления Китая, считает, что «давно сделанное предложение о приеме Китайской Народной Республики в члены Организации Объединенных Наций (вместо гоминдановской клики) должно быть принято ООН».

«Единственной причиной разрыва переговоров о перемирии,— заявляет комментатор японской газеты «Цюбу Ниппон» Токео Симидзу,— был вопрос о военнопленных, по которому мнения обеих сторон принципиально расходились. Поэтому до сего времени весь мир считал, что заключение перемирия в Корее путем переговоров является вопросом почти безнадежным. Теперь же, нам кажется, можно считать, что эта причина разрыва переговоров устранена... Иными словами, вновь возникла надежда на возможность мирного разрешения корейского конфликта... Я думаю, что сейчас настал самый светлый и полный надежд момент, какого еще не было с начала корейской войны».

В странах Ближнего Востока так же, как и в других государствах Азии, общественное мнение призывает использовать открывшуюся возможность прекратить кровопролитие в Корее.

Все настойчивее раздаются в Англии требования покончить с войной в Корее. Новые предложения правительств Китая и Кореи и поддержка этих предложений Советским правительством встречены с одобрением в самых различных кругах страны.

Лейбористский еженедельник «Трибюн» критикует тех представителей правящих кругов США, кто «в лучшем случае заразился паникой Уолл-стрита». «Возможность установления мира заслуживает более благоприятной реакции, чем падение курсов на бирже. Западу пора сделать какие-то жесты. Нужно не только добиться успешного завершения переговоров о перемирии в Корее. Больше, гораздо больше можно сделать, причем в самое ближайшее время».

«Народы Запада,— пишет газета «Ньюс кроникл»,— будут ожидать от государственных деятелей, которые служат им, что они уделят основное внимание поискам условий, в которых мирное сосуществование коммунистического и некоммунистического миров может стать реальностью». Орган лейбористов «Дейли геральд» заявляет, что «может быть лишь один разумный подход» к предложениям Чжоу Энь-лая—«воспользоваться этой возможностью и предпринять новую искреннюю попытку возобновить переговоры о перемирии. Прекращение огня в Корее, само по себе, будет в колоссальной степени содействовать ослаблению международной напряженности». Консервативная «Дейли экспресс» призывает в редакционной статье: «Нельзя позволить, чтобы в этот час подозрительность взяла верх».

Касаясь позиции стран, участвующих в корейской войне в качестве союзников США, газета «Дейли геральд» утверждает: «Повидимому, правительства стран — членов ООН, войска которых находятся в Корее, не намерены терять времени и хотят безотлагательно принять китайское предложение».

Большое внимание уделяет возобновлению переговоров в Паньмыньчжоне и перспективе справедливого разрешения конфликта в Корее буржуазная печать Франции и других государств Западной Европы. «Общественное мнение во всех странах земного шара, — сообщает газета «Комба», — встретило с огромной надеждой новое предложение правительств Китая и Кореи... Народы предпочитают мир, и их правительствам надлежит сделать так, чтобы этот мир был восстановлен, — продолжает газета. — Отказавшись от этого, правительства показали бы, до какой степени они уже капитулировали перед злом, то есть перед войной».

Поль Бастид в газете «Орор-Се матэн-Ле пэи» пишет: «В настоящее время в Корее открываются перспективы перемирия, и американцы не должны их уничтожать».

Газета «Монд» в передовой статье признает, что «после выступления Чжоу Энь-лая во всем мире наблюдается всеобщий оптимизм», который «официальные круги тщетно стремятся умерить».

На фоне этих высказываний обращает на себя внимание позиция некоторых западногерманских газет. Население Западной Германии, как и весь немецкий народ, приветствует открывшуюся возможность прекращения войны в Корее. Простые немцы законно считают, что мирное разрешение корейского конфликта будет, в конечном итоге, способствовать и мирному урегулированию германской проблемы. Иная реакция у боннских милитаристов и реваншистов: они обеспокоены тем, что в этом случае их политике раскола Германии и возрождения вермахта грозит полный провал.

Некий Эмиль Шредер отмечает в западноберлинской газете «Шпандауэр фольксблатт», что международные события последнего времени «застали нас врасплох и привели в замешательство». А орган рурских магнатов «Индустри курир» в статье, посвященной корейскому вопросу, цинично призывает к продолжению так называемой «холодной войны» против СССР и других миролюбивых государств. Другой рупор западногерманских империалистов — газета «Дейче цейтунг унд виртшафтсцейтунг» также выступает с наглым призывом не прекращать «холодную войну», а также «горячую войну» (там, где она уже происходит) до тех пор, пока не будет «изменен» существующий порядок. В откровенно гитлеровском стиле газета заявляет: «Нашей целью поэтому является новый порядок, а не признание или укрепление существующего положения».

Однако со страниц буржуазных газет Западной Германии раздаются и трезвые голоса, призывающие использовать обстановку, создавшуюся в результате мирной инициативы Китая и Корейской Народно-Демократической Республики, инициативы, поддержанной Советским Союзом, для того, чтобы способствовать скорейшему мирному разрешению германской проблемы.

«Во всем мире, и прежде всего в Германии, — пишет по этому поводу газета «Франкфуртер альгемейне цейтунг», — растет желание, чтобы пробивающийся росток надежды и возможности соглашения не был растоптан. Мы, немцы, в особенности страдаем от разногласий между Востоком и Западом». Дюссельдорфская газета «Хандельсблатт» в статье «Опасен ли мир?» высказывает мысль, что прекращение войны в Корее и ослабление напряженности международной обстановки не должны губительно отразиться на экономике капиталистических стран и что, наоборот, военная экономика может в конечном счете привести к катастрофе.

Печать скандинавских стран широко комментирует предложения Чжоу Энь-лая и Ким Ир Сена и заявление В. М. Молотова, поддержавшего от имени Советского правительства мирную инициативу правительств Китая и Кореи. Газеты подчеркивают, что сделан практический шаг к заключению перемирия в Корее.

Обозреватель швейцарской газеты «Ла Сюис» Ренэ Бом, указывая, что война в Корее непопулярна в США, пишет: «Американский народ... не простит ни своим генералам, ни своим дипломатам, если не будет использован этот случай окончить ее». Лондонский корреспондент другой швейцарской газеты «Базлер нахрихтен» сообщает: «Даже самые осторожные и недоверчивые среди здешних обозревателей, которые незадолго до этого всюду усматривали ловушки и говорили о тактическом русском маневре, начинают теперь присматриваться к действительности». Далее корреспондент, говоря о настроениях в Англии, пишет: «Отныне для тех, кто старается управлять общественным мнением, будет поистине трудно объяснить населению, что, несмотря на всё, должны продолжаться и гонка вооружений, и экспортная кампания, и политика экономии и воздержания».

Заключение перемирия отвечает коренным интересам народов всех стран. Все люди, проникнутые честным стремлением положить конец войне в Корее, горячо приветствуют новую инициативу, проявленную правительствами Китайской Народной Республики и Корейской Народно-Демократической Республики, инициативу, поддержанную Советским Союзом. В широких кругах общественности всех стран все больше сказывается желание мирного разрешения корейского конфликта. Эти настроения и находят свое выражение в большинстве приведенных здесь выдержек из буржуазной печати США, Англии и других капиталистических стран.

Весна в Болгарии

Димитр ДИМОВ,
болгарский писатель, лауреат Димитровской премии

Растаял последний снег. Порывы южного ветра гонят белоснежные рваные облака, между которыми проглядывает кобальтово-синее небо... В горах зацвела чемерица, в полях зазеленели озимые, у берегов Черного моря еще бушуют весенние бури, а деревья в долинах Месты и Струмы уже покрыты почками. В Софии еще холодно, но солнце светит ярко, и желтая брусчатка мостовой Русского бульвара похожа на натертый паркет. Воздух в парке Свободы напоен ароматом влажной земли и благоуханием пробивающихся трав и цветов.

Весна всегда волнует человека. Но сегодня волнение наше гораздо глубже. Источник его не только в наступлении весны, но и в самом содержании и смысле нашей жизни. С каждой новой весной мы уходим все дальше вперед по пути к социализму.

Под цветистыми коврами Балканских гор, в недрах земли мы с помощью советской науки открыли несметные богатства руд и каменного угля, о существовании которых раньше и не подозревали. Урожайность наших полей, обработанных советскими методами и советскими машинами, невиданно возросла. По бурным весенним водам Черного моря плывет болгарский пароход «Вапцаров» с грузом пшеницы для голодающего населения Индии...

Посвист весеннего ветра сливается для нас с пением электростанций, стук дождевых капель — с рокотом моторов и станков. Зеленые поля будят в нас мысль о новом севе, об умножении отар и табунов...

Хорошеет и наряжается болгарская столица. Заново перестраивается центр Софии. Кажется, будто перед великолепием новостроек рушатся сами, под тяжестью собственной дряхлости, старые уродливые кирпичные здания. На площади имени 9 сентября величественно возвышается здание ЦК Коммунистической партии Болгарии. Строги очертания мавзолея Георгия Димитрова. В парке между бульварами «Русский», «Толбухин», «Евлогий Георгиев» и улицей «Гурко» воздвигается великолепный монумент героической Советской Армии, который будет напоминать грядущим поколениям об освобождении нашего народа Советским Союзом.

Этой весной в тысячах кружков мы с волнением изучаем гениальный труд товарища Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Каждое сталинское слово направляет наши мысли к самым животрепещущим проблемам действительности, указывает пути их дальнейшего разрешения. Не бьется благородное сердце Сталина. Но еще глубже укоренилось в наших сердцах бессмертное его дело. Ведомые вечно живым гением великого Сталина, опытом Коммунистической партии Советского Союза, мы преодолеваем трудности, строим социализм. Это вызывает в нас чувство гордости, придает нам неиссякаемые силы.

Мы узнали человеческую жизнь. Разве в прошлом наши молодые работницы не хотели красиво одеваться, петь и танцевать? Разве первая в нашей стране девушка—машинист паровоза Василка Владимирова и механик по ремонту текстильных машин Тошо Балабанов, который изобрел автомат для остановки ткацких станков при обрыве нити, не могли бы и раньше бывать в театре, испытывать волнение, смотря гоголевского «Ревизора»? Разве каменщик Фердо Стоименов не способен был разбираться в общественных проблемах? Но старый мир мял и душил желания, способности, чувства тружеников.

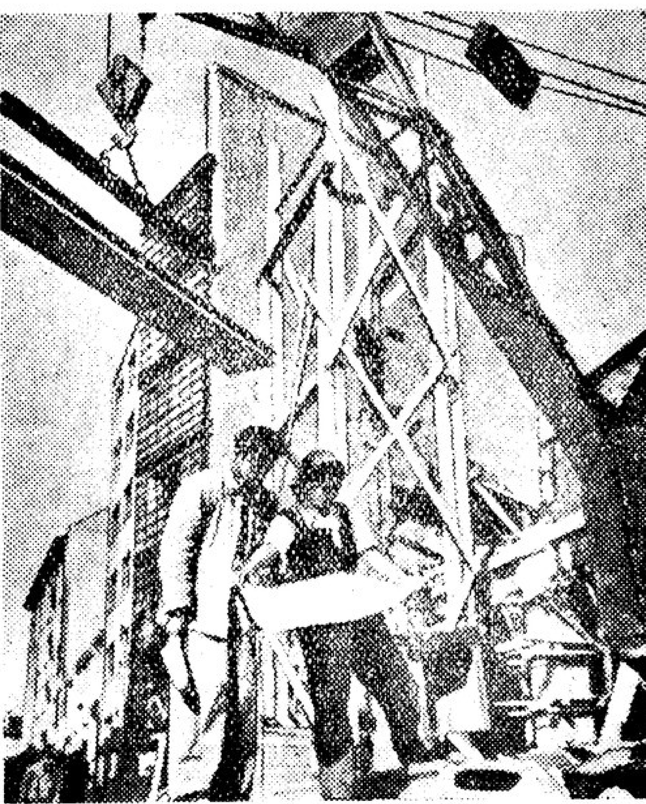
Только с приходом весны освобождения они вздохнули во всю силу легких. Рабочие теперь имеют свои коллективы художественной самодеятельности, оркестры и танцевальные группы, своими силами ставят «Ревизора». Трынский каменщик Фердо Стоименов, которого мы называли выше, представлял Болгарию на Венском Конгрессе народов в защиту мира. Бывшие рабочие учатся в сельскохозяйственных академиях, политехнических вузах, на медицинских факультетах, становятся агрономами, ветеринарами, зоотехниками, инженерами, врачами...

И так же, как и рабочие, заражаясь их примером, следуя их руководству, проявляют изумительную энергию и организаторские способности в преобразовании жизни и наши крестьяне. Бесчисленные мелкие лоскутки земли, деревянная соха, первобытная техника уступают место обширным кооперативным полям, советским тракторам и комбайнам, продуманным и проверенным практикой севооборотам. Весна этого года застала кооперированными 60 процентов обрабатываемой земельной площади страны.

Великая весна социализма озаряет все уголки нашей небольшой страны. Она пришла и в село Борец, Пловдивской околии, где кооператоры с волнением ждут первых всходов чая на опытном участке, и в село Оборище у Балчика, где приступили к выращиванию цитрусовых, и в село Пищигово, Пазарджикской околии, где засеяна прекрасная ветвистая пшеница...

Весна социализма отозвалась и в сердце Марийки Ангеловой, Петра Пазачева, Виктора Младенова и десятков других тружеников кооперативных хозяйств. Еще недавно это были никому не известные крестьяне, проливавшие пот ради наживы банкиров, фабрикантов, кулаков, торгашей. Сегодня Марийка Ангелова, Петр Пазачев и Виктор Младенов — Герои Социалистического Труда, народ окружил их любовью и уважением.

Весна социализма властно врывается в нашу культурную жизнь. Марксистское мировоззрение проясняет сознание, ставит на службу истинным интересам народа практическую деятельность и творчество

В болгарской столице Софии растут все новые и новые жилые дома. На фото — **молодые строители дома на улице Раковского рассматривают план постройки.**

Снимок из журнала «Болгария»

тысяч интеллигентов — ученых, писателей, художников, музыкантов, театральных деятелей... Немало из них в прошлом находилось во власти буржуазной идеологии и беспомощно блуждало в потемках идеализма, мистики, скептицизма или мизантропии. Неустанная помощь Коммунистической партии, советский пример, советский опыт и необъятная советская литература, которую мы, болгары, читаем и поглощаем с жадностью, помогают нам итти по широкой и светлой дороге социалистической идеологии.

Для нас советская литература — художественная, научная или техническая — это воздух, которым мы дышим. Мы нашли в ней неисчерпаемое духовное богатство, неиссякаемый источник великого гуманизма, чудесную школу социалистического реализма в художественном творчестве, диалектического метода в научных исследованиях.

Правильно использовать советский опыт и советскую литературу нас неустанно, терпеливо и заботливо учит товарищ Вылко Червенков. Строгий к ошибкам, он, как никто другой у нас, умеет отметить и поддержать положительные явления в нашей культуре. Болгарская народная интеллигенция встретила эту весну, вооруженная его указаниями на национальном совещании по идеологическим и культурным вопросам, его высказываниями о национальной художественной выставке и письмом о работе ученых-языковедов.

Мы живем бурной жизнью, борьбой за утверждение в сознании марксистской, ленинско-сталинской идеологии. Горячо спорим, страстно критикуем друг друга. Эта весенняя буря с корнями вырывает бурьян, ломает сухие, бесплодные ветви... Мы знаем, она поможет молодым почкам распуститься в роскошные цветы и дать зрелые плоды.

Расцветает весна в сердцах новых десятков рационализаторов, техников, ученых, людей искусства. Весь наш народ радуется успехам своих лучших сынов, ибо он неизменно помогает их творчеству. Садовник Желязко Вылков, из кооперативного хозяйства в селе Борец, под руководством академика Христо Даскалова участвует в выведении болгарского чая. А разве смогли бы писатели Маринов, Коралов, Вежинов, Гуляшки написать свои новые романы о социалистическом строительстве, если бы эти романы не были созданы в самой жизни трудовым энтузиазмом строителей Димитровграда, Брышлянской оросительной системы, машинно-тракторных станций?

Рабочие, трудящиеся крестьяне и народная интеллигенция Болгарии слились в мощный коллектив, сцементированный идеями Ленина—Сталина, смело шагающий вперед по пути социалистического строительства под руководством своей Коммунистической партии и товарища Вылко Червенкова.

Для болгарского народа, связанного нерушимой дружбой с могучим Советским Союзом и странами народной демократии в совместной борьбе за мир и коммунизм, наступила весна его новой истории, весна великой Сталинской эпохи человечества.

СОФИЯ

СТРОИТЕЛЬСТВО ПЛОТИНЫ НА ОЗЕРЕ ДУНТИН

Дунтин — огромное озеро в провинции Хунань.

«Район Дунтинху, — пишет газета **«Дагунбао»,— чудесное место. Вокруг озера расстилается прекрасная бесконечная равнина. Каждый му* земли может приносить не менее 600 цзиней** золотого проса. Шестая часть урожая риса и половина урожая хлопка провинции выращиваются на этой равнине».**

Но с каждым годом Дунтинху поднималось над отделенными от него насыпями районами приозерья — протекающая через озеро река Янцзы и впадающие в него реки Сянцзян, Цзыцзян, Юаньцзян и Лицзян приносили огромное количество ила. Равнина постоянно подвергалась губительным наводнениям. В 1949 году, например, вышедшие из берегов дунтинские воды затопили больше двух третей полей, оставив 1 300 000 крестьян без хлеба.

Ныне этому приходит конец. Сразу же после освобождения страны народное правительство разработало план ирригационных работ в районе Дунтинху. Жители Хунани горячо взялись за осуществление этого плана. В первые три года они подняли на ремонте плотин 120 млн. кубометров земли и полностью обезопасили от угрозы наводнений более половины своих полей. В декабре прошлого года двухсоттысячная армия строителей приступила к дальнейшей работе. Через 70 дней трудящиеся Хунани рапортовали Мао Цзэ-дуну о полном окончании ирригационного строительства. В районе Ляньниху закончено сооружение первой в Хунани большой плотины.

«Плотина в районе Ляньниху,—пишет «Дагунбао»,— **самое выдающееся и самое важное сооружение на озере Дунтинху. Завершение этого строительства гарантирует безопасность жизни и имущества 300 000 трудящихся района приозерья и обеспечит богатый урожай на площади в 500 000 му».**

* 1 му — 1/16 гектара.
** 1 цзинь — 600 граммов.

„Рецепты экономии“ мистера Бибби

Кто такой мистер Бибби? Мистер Гарольд Бибби — весьма уважаемый в капиталистических кругах Англии джентльмен. Он — банкир и судовладелец. Тревожась о судьбе Англии, Гарольд Бибби сделал недавно заявление, в котором потребовал, чтобы в стране было проведено снижение заработной платы трудящимся. «Невозможно утверждать,— категорически заявил он,— будто стоимость жизни такова, что уже нет никакой возможности провести еще экономию в семейном бюджете». Существует, возмущается Бибби, пагубная точка зрения, будто нехватку в бюджете рабочего надо непременно сбалансировать увеличением его заработной платы, вместо того чтобы предъявить ему требование «большего прилежания и большей интенсификации труда».

Остается добавить, что «прилежание» самого мистера Бибби принесло в прошлом году «Мартинс бэнк», который он возглавляет, почти 750 тысяч фунтов стерлингов чистой прибыли.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-43, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30

Б00833.